
ОГОНЁК
№ 47 НОЯБРЬ 1967
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЮНОСТЬ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 47 (2108)

19 НОЯБРЯ 1967

45-й год издания

КЛЯНЕТСЯ!

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Изображения пяти орденов и комсомольского значка украсили зал Кремлевского Дворца съездов—сюда собрались на торжественный митинг, посвященный 50-летию Великого Октября, посланцы комсомолии всех союзных республик и молодые москвичи.

«Сердца молодых всегда с партией...»—говорится в письме советской молодежи Центральному Комитету КПСС. В обсуждении и принятии этого письма участвовало 50 172 759 юношей и девушек нашей страны. Как клятва звучат его слова:

—Партия ведет наш народ к коммунизму. И для каждого из нас нет большего счастья, чем быть ее активным и убежденным бойцом, строителем нового общества, достойно продолжать великое дело Октября, высоко нести победоносное знамя революции, знамя Ленина!

В Москве состоялась Международная научная конференция «Пятидесятилетие Октября и международный рабочий класс». Конференция была организована Институтом международного рабочего движения. В ней приняли участие видные деятели коммунистических и рабочих партий, ветераны пролетарского движения, представители профсоюзов, органов печати, научных учреждений из разных стран.

Символично, что обсуждение важнейших вопросов теории и практики международного рабочего движения проходило в стенах Московского Кремля через несколько дней после празднования полувекового юбилея первой в мире социалистической державы.

С приветственной речью к участникам конференции обратился член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов. Он огласил также приветствие ЦК КПСС в адрес участников конференции. Доклад «Пятидесятилетие Великого Октября и современное рабочее движение» сделал секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев. На конференции выступили Председатель Коммунистической партии Испании Долорес Ибаррури, Генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл, член Национального комитета защиты революции Мамаду Мадейра Кейта (Мали), Генеральный секретарь ЦК Сирийской коммунистической партии Халед Багдаш и другие товарищи.

На снимке: в Кремлевском театре в день открытия конференции.

«Юманите-диманш» — воскресное приложение газеты французских коммунистов. Недавно ему исполнилось... тысяча. Да, ровно тысячу воскресений назад на пустынные в эти утренние часы воскресного дня улицы французских городов и сел вышло тринадцать тысяч людей с кипами газет в сумках. Одни прошли по квартирам, из дома в дом, другие остались на углах улиц.

Корреспонденты газеты ездили в борющийся Вьетнам в самый разгар колониальной войны Франции в Индокитае, с начала алжирского восстания защищали Алжир патриотов. Морис Торез и Пабло Пикассо, Луи Арагон и Жолио-Кюри, Юрий Гагарин и Валентина Терешкова обращались к Франции через «Диманш».

И вот теперь тысячный номер. Его открывают выступления Генерального секретаря Французской коммунистической партии Вальдека Роше и Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Тысячный посвящен пятидесятилетию страны социализма, за который «Юма» борется у себя на родине. Это необычный номер — он вдвое больше всех других. Сумки людей, продающих газету, стали вдвое тяжелее: каждый экземпляр весит 500 граммов. И с еще большим воодушевлением коммунисты и сочувствующие шли по квартирам, кричали на улицах: «Юманите-диманш!» Им есть чем гордиться, этим добровольным распространителям газеты. Тираж «Диманш» составляет теперь 500 тысяч экземпляров. Но тираж тысячного номера больше.

Распространители газеты будут продавать тысячный номер в течение всего ноября. Своих читателей нашли уже 700 тысяч экземпляров «Юманите-диманш» № 1000.

В Гвинее проходила церемония награждения советских специалистов. Пилот-инструктор вертолета Александр Ульянов и инструктор-борттехник Владимир Михайлов за отличную подготовку летных кадров Гвинейской республики награждены медалями Труда.

На снимке: А. Ульянов и В. Михайлов со своими гвинейскими коллегами перед тренировочным полетом.

ГОРОД НА ЛИНИИ ФРОНТА

Откуда-то извне, проникнув сквозь деревянные жалюзи на окнах, проплутав гостиничными коридорами, в мою комнату пришла песня. Ее мелодия, знакомая до боли сердца, торжественная и тревожная, прозвучала на улице.

Над широкими зелеными бульварами, над узкими улочками, над протоками реки и каналами, пересекающими город, над мастерскими, пагодами, кинотеатрами, над маленькими рынками, расположившимися прямо на тротуарах, над разрушенным бомбежками кварталом, над убежищами и позициями зенитчиков — над всем, что составляет город Хайфон, раздалось: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...»

Голос из репродуктора выговаривал русские слова с акцентом. Следующий куплет певец запел по-вьетнамски. И тогда песня, всколыхнувшая в памяти грозные военные годы, зазвучала с такой же силой и напряженностью, как у нас в 41-м году. Прозвучала так, будто она только что родилась здесь, на этой земле, где идет война.

Война...

В Хайфоне, в госпитале, построенном с помощью Чехословакии, главный врач, хирург по специальности, товарищ Нгуен Минь Там показал мне красный галстук и тетрадки тринадцатилетней пионерки Чан Тхи Ван. Американская бомба, начиненная шариками, разорвалась около школы, где училась Ван. Самолет вышел на свой разбойничий промысел ранним утром, когда ребята веселой стайкой спешили на занятия. Ван не успела дойти до школьного порога. Ее привезли в госпиталь со многими ранениями. Искусство хирурга не смогло победить новейшей техники убийства. Ван умерла. В сумке нашли тетрадь, где рукой девочки было написано стихотворение, посвященное подружке, ученице из ее же класса, которую звали Ха. Она была убита год назад во время американской бомбежки.

Война...

Демократическая Республика Вьетнам мужественно борется с агрессором, не брезгающим самыми варварскими способами ведения военных действий. И Хайфон в этом сражении стоит на передовой линии фронта. Враг начал атаки на Хайфон еще в марте 1965 года с налетов на «хайфонский Кронштадт» — около острова Батьлонгви. Постепенно он сжимал кольцо бомбардировок, американские самолеты все ближе и ближе подбирались к центральным районам города.

Совсем недавно кончилась самая большая в истории этой войны битва за Хайфон. С 31 августа по 29 октября авиация Соединенных Штатов Америки почти непрерывно совершала налеты на город. За это время 76 раз днем и 27 раз ночью над Большим Хайфоном появлялись бомбардировщики с опознавательными знаками Соединенных Штатов Америки. Вот статистика, которую мне сообщили городские власти. В течение этого времени бомбардировщиками США было сброшено 2 234 фугасных бомбы, в том числе 604 бомбы замедленного действия, 216 контейнеров с шариковыми бомбами, 178 управляемых ракет и 1 988 неуправляемых ракет.

Американская авиация разбомбила жилой поселок рабочих цементного завода, санаторий в районе Намфат, включая близлежащее здание католической церкви, жилой квартал Ле Тян. Ни один из этих районов не был объектом военного значения, и это еще раз доказывает, насколько лицемерны заявления руководителей США о том, что в Северном Вьетнаме бомбежке подвергались только военные объекты. Бомбежкой Хайфона американские агрессоры преследуют стратегические цели: Хайфон называют морскими воротами страны. В 1955 году через Хайфонский порт ушли колонизаторы. Теперь эти ворота открыты для дружественных стран. Через Хайфон протянута трасса дружбы и боевой солидарности с борьбой вьетнамского народа.

Отрезать Хайфон от страны,

Фото ТАСС и ЮПИ.

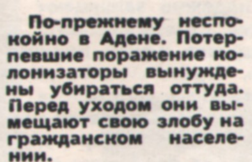

К Вьетнаму приковано сегодня внимание всего прогрессивного человечества. Изо дня в день ширится движение протеста против американской агрессии. К этому движению присоединяются люди самых разных взглядов из всех уголков земли. На фотографии запечатлен поход более двух тысяч юношей и девушек Чили из Вальпараисо в столицу страны Сантьяго в знак протеста против агрессии США.

В Вашингтоне проходят демонстрации жителей бруклинских трущоб против бесправия и нищеты. На плакатах надписи: «Мы хотим работы», «Не забудьте о жителях Бруклина».

По-прежнему неспокойно в Адене. Потерпевшие поражение колонизаторы вынуждены убираться оттуда. Перед уходом они вымещают свою злобу на гражданском населении.

Это один из кадров, сделанных во время футбольного матча между чемпионом среди чемпионов Европы «Селтиком» (Шотландия) и его коллегой из Латинской Америки «Рэсингом» (Аргентина). Полицейский отряд должен был выступить в качестве третьего участника финального матча, состоявшегося в Монтевидео. За грубость с поля были удалены 5 игроков обеих команд. Шотландцы после этой встречи были наказаны у себя на родине весьма крупным денежным штрафом. А аргентинцы получили в подарок по автомашине.

прервать его связи с внутренними районами ДРВ, заставить его капитулировать непрерывными атаками, сломить волю хайфонцев — вот цель американских империалистов. Еще в апреле этого года после серии воздушных налетов они торжественно сообщили, что Хайфон уже лишен электроэнергии и город погрузился во тьму.

Ложь! Хайфон не склонил головы. В городе есть электричество. Улицы Хайфона вечерами освещены не так ярко, как прежде,— всего лишь скупым светом военного времени, но Хайфон обеспечен электроэнергией. И, как никогда ярко, горит ненависть хайфонцев, упряма, как морской прилив, воля горожан отстоять свой город. Защитники «хайфонского Кронштадта» сбили 22 американских самолета. Во время последней битвы за Хайфон 56 американских стервятников рухнули на землю и в море, сраженные ракетами, меткими выстрелами зенитчиков и народных ополченцев. 56 самолетов — это почти то число самолетов, которое имеет на своих палубах один американский авианосец.

Кого хотят победить здесь американцы, на чью слабость они рассчитывают? Вот коротний рассказ об одном из тех, в ком воплощен образ сегодняшнего Хайфона.

Этого молодого парня зовут Нгуен Дык Киеу. Он служит на портовом буксире № TV-6. Этот буксир перевозит груз с кораблей, стоящих на рейде. Недавно во время обычной операции TV-6 был атакован американскими самолетами. Летчики били по судну из пулеметов и обстреливали ракетами. Буксир получил пробоину. Капитан был убит, раненый Нгуен Дык Киеу взял управление судном на себя. Он привел буксир в порт, обеспечил его разгрузку и помог вывезти с судна раненых вьетнамских моряков. Позже посчитали раны на теле самого Нгуена Дык Киеу. Их было 40.

Нет, не сломить американцам Хайфон! И в памяти моей стоит этот город, залитый солнцем или едва освещенный маленькими электрическими лампочками, и я снова слышу песню:

«Идет война народная; священная война!»

А. СЕРБИН, специальный корреспондент «Огонька».
Ханой. 13 ноября. По телефону.
Фото Л. Портера (ТАСС).

Н. И. КРЫЛОВ,
Маршал Советского Союза,
дважды Герой Советского Союза

Ракетный щит Родины

14 января 1960 года на сессии Верховного Совета СССР было объявлено о создании Ракетных войск стратегического назначения. Это явилось новым важнейшим шагом в области строительства Вооруженных Сил нашей социалистической Родины, которые в течение полувека с честью и славой надежно защищают завоевания Великого Октября.

Ракетные войска стратегического назначения составляют основу оборонного могущества нашей Родины, являясь войсками наивысшей боевой готовности. Стратегические ракеты могут преодолевать огромные межконтинентальные расстояния. Неуязвимые для противоракетной обороны противника, эти ракеты способны достигнуть намеченной цели в любой точке земного шара, доставить туда свой мощный ядерный заряд. Точность их попадания подтвердили неоднократные успешные испытания.

Советская Армия и Военно-Морской Флот располагают самой мощной современной техникой и оружием. Это еще раз было продемонстрировано на юбилейном параде на Красной площади, где были показаны новейшие образцы ракетного стратегического оружия.

Военный парад на Красной площади 7 ноября привел в неистовство всех тех, кто похваляется превосходством США в ракетно-ядерном вооружении.

Если в руках США и их союзников по военным блокам ядерное оружие и ракеты являются орудием агрессии и давления на свободолюбивые народы, то ракетно-ядерное оружие социалистических государства — это надежная гарантия независимости и безопасности нашей Родины и стран социалистического содружества и опора всего миролюбивого человечества. Оно стоит на страже мирного, созидательного труда советского народа, строящего коммунизм.

Ракетные войска стратегического назначения являют собой одно из самых ярких проявлений творческой силы нашей социалистической науки, могущества нашей индустрии, умения и самоотверженности наших рабочих, блестящих проявлений конструкторской и технологической мысли наших инженеров и техников, сумевших в кратчайшие сроки разработать и запустить в серийное производство сложнейшие ракеты.

Ведь для того, чтобы ракета взлетела, набрала необходимую высоту и скорость, чтобы она в точности выдержала заданную траекторию и без промаха поразила цель, мало ее разработать в научной лаборатории. Необходимы еще и особые жаропрочные материалы, и специальные виды топлива, и тончайшие приборы, и счетно-решающие устройства, и множество других всевозможных элементов, материалов и приспособлений.

Все это может дать лишь высоко и многосторонне развитая индустрия, обладающая совершеннейшим оборудованием и опытнейшими кадрами. И ныне, когда наша страна и все прогрессивное человечество только что отметили пятидесятилетие Великого Октября, мы, ракетчики, с гордостью можем сказать: могучая техника, замечательные советские люди, овладевшие ею, составляют необыкновенной твердости сплав, из которого Родина выковала свой ракетно-ядерный меч и щит.

Современная боевая ракетная техника, созданная в нашей стране, имеет свою давнюю историю. Еще наши предки — русские оружейные мастера — понимали толк в устройстве и в боевом употреблении ракет. Например, в начале XVII века пушечный мастер Онисим Михайлов составил «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки». В этом Уставе немало сказано об устройстве ракет и о способах их применения. В 1680 году в Москве появилось первое промышленное предприятие — «Ракетное заведение», изготовляющее ракеты и порох для их запуска. А Петр I поставил на вооружение русской армии осветительные, сигнальные и зажигательные ракеты. В начале прошлого века инженер Картамазов разработал боевые ракеты — носители гранат, которые били на расстояние до трех километров. А в 1815—1818 годах русский ученый, генерал А. Д. Засядко сконструировал четырехдюймовые ракеты и специальный станок для одновременного запуска 36 ракет — прообраз прославленного гвардейского миномета, который в годы Великой Отечественной войны солдаты ласково называли «Катюшей». Станок и ракеты Засядко с большим успехом действовали в русско-турецкой войне 1828—1829 годов и очень помогли русским войскам при штурме крепостей Варна, Браилов, Шумла и Силистрия.

В нашей стране впервые в мире была создана стройная научная теория ракетостроения и ракетоуправления, разработанная, как известно, замечательным ученым Константином Эдуардовичем Циолковским. Он теоретически доказал возможность создания мощных, многоступенчатых ракет с жидкостными двигателями, разработал первое ракетное топливо, обосновал принципы управления движением ракет.

Наконец, идея искусственного спутника Земли, которая впервые в мире блестяще воплощена в реальность в нашей стране, также принадлежит Константину Эдуардовичу Циолковскому.

После Великой Октябрьской революции ракетная техника в нашей стране начинает бурно развиваться. В тридцатых годах ГИРД — группа по изучению реактивного движения — под руководством продолжателя дела К. Э. Циолковского Ф. А. Цандера разработала и построила первый жидкостный ракетный двигатель ОР-1, а затем запустила и первые ракеты 09, ГИРД-Х и 07.

В то же время начал свою деятельность выдающийся советский ученый, дважды Герой Социалистического Труда С. П. Королев, с именем которого связаны многие достижения советского ракетостроения, в том числе и завоевание нашей страной первенства в освоении космоса.

В 1939 году была успешно испытана опытная двухступенчатая ракета. В то же время советские ученые и конструкторы разрабатывают ракетную боевую технику на твердом топливе. В конце тридцатых годов на вооружение наших Воздушных Сил были приняты реактивные снаряды РС, которые прекрасно зарекомендовали себя в боях на реке Халхин-Гол.

В 1938—1941 годах появились ракеты М-8 и М-13, которые запускались с самоходных пусковых установок. Это были те самые знаменитые «Катюши», которые приводили в трепет гитлеровские войска в первые же месяцы Великой Отечественной войны.

После войны на вооружение наших войск поступила баллистическая

ракета Р-1, провозвестница нынешних стратегических ракет дальнего действия. С появлением этой ракеты, а затем и ракеты Р-2, имевшей некоторые конструктивные отличия, наша армия впервые получила оружие, которое в короткое время надежно могло поражать глубокие тылы врага и его военно-промышленные объекты. За баллистическими ракетами на вооружение армии начали поступать все более совершенные ракеты самых разнообразных назначений.

По-настоящему грозным и всесокрушающим ракетное оружие сделалось с тех пор, когда ракеты стали носителями мощных ядерных зарядов. Иначе говоря, появилось совершенно новое могучее оружие. Действительно, если сравнить ракетное оружие хотя бы со стратегической авиацией, которая также может быть носителем ядерных зарядов, то преимущество ракет будет неоспоримо. Уязвимость авиации от средств противовоздушной обороны противника, необходимость иметь много аэродромов, длительное время, требующееся для того, чтобы достичь объекта бомбардировки, и зависимость от погоды могут затруднить ее действия.

Зато стратегические ракеты лишены всех этих недочетов. Их боевые позиции отлично защищены. От погоды они не зависят. Противовоздушная и противоракетная оборона врага практически не в состоянии их сбить. Да и цели ракета достигает за считанные минуты, а не за часы, как самолет. Для стратегических ракет нет преград. Они обеспечивают высокую точность попадания, дальность их удара неограниченна.

Таким образом, ракетное оружие позволяет успешно решить главные стратегические задачи и, следовательно, добиваться основной цели войны мощным ракетно-ядерным ударом, а не многими последовательными ударами, как это бывало в прежних войнах.

Вместе с совершенствованием ракетной техники шло быстрое развертывание Ракетных войск. Первой ракетной воинской частью, которая была создана вскоре после Великой Отечественной войны, командовал генерал-майор А. Ф. Тверецкий. На базе этой части к 1955 году было сформировано еще несколько частей, вооруженных ракетами средней дальности. За ними появились новые части, оснащенные межконтинентальными ракетами.

Центральный Комитет партии и Советское правительство приняли все меры для быстрого развертывания Ракетных войск стратегического назначения и для поддержания их постоянного технического превосходства над вероятными противниками.

Цвет нашей науки, самые крупные и талантливые ученые, лучшие инженеры и рабочие, в прекрасно оборудованных лабораториях, в заводских цехах, на опытных полигонах разрабатывают новые, все более совершенные виды ракетной боевой техники. Для подготовки высококвалифицированных офицеров-ракетчиков и специалистов созданы специальные военные учебные заведения.

Напряженная международная обстановка, появление новейших типов ракетного оружия требуют от личного состава Ракетных войск высокого воинского мастерства и многостороннего образования. Нельзя быть ракетчиком, не обладая прочными знаниями в области таких современных наук, как радиотехника, электроника, ядерная физика, телемеханика.

И действительно, наши ракетные части — самый, пожалуй, «образованный» род войск. Девяносто процентов личного состава Ракетных войск имеет высшее и среднее образование. А каждый четвертый — высшее военное или специальное.

Это позволяет офицерам и солдатам-ракетчикам добиваться высоких показателей в освоении техники и в постоянной боевой готовности.

Ракетные подразделения, которыми командуют, например, офицеры Кнегин, Марышев, Петровский и другие, постоянно показывают отличные результаты в боевой и политической подготовке. Каждый второй воин — отличник. Многие солдаты имеют по три-четыре знака солдатской доблести. А таких подразделений в Ракетных войсках немало.

В первых рядах отличников боевой и политической подготовки ракетчиков находятся коммунисты и комсомольцы.

Все это свидетельствует о высоком патриотизме и большой политической зрелости, творческой инициативе воинов-ракетчиков, об их стремлении быть достойными той возвышенной и благородной миссии, которая возложена на Ракетные войска стратегического назначения как главный страж мира.

За отличные показатели в боевой и политической подготовке, за успешное освоение новой техники тысячи командиров, политработников, инженеров, техников и воинов Ракетных войск награждены высокими правительственными наградами. В юбилейном году многие части и военно-учебные заведения Ракетных войск за заслуги в деле защиты Советской Родины и достигнутые высокие результаты в боевой и политической подготовке награждены Памятными знаменами ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР.

Окрыленные любовью и доверием народа, партии и правительства, их великой заботой, советские воины новыми успехами в ратном труде ответят на высокие и почетные награды.

Нелегка служба ракетчиков. Тяжел их ратный труд. Он требует постоянного напряжения всех сил, неустанного внимания, высокой бдительности. Но ракетчики знают: именно от их умелых действий, от их слаженной во всех звеньях, четкой и быстрой работы во многом зависит жизнь советских людей, их покой, их труд, неприкосновенность всего того, что дал нам Великий Октябрь.

Само существование Ракетных войск стратегического назначения в Вооруженных Силах страны социализма заставит и уже не раз заставляло задуматься империалистических поджигателей войны, возможно ли напасть на СССР. Не лучше ли жить в мире с нашей страной?

И сегодня, в преддверии пятидесятилетней годовщины нашей Советской Армии, мы, ракетчики, рады доложить партии и народу, что в любое мгновение готовы надежно прикрыть Родину ракетным щитом от всех посягательств агрессоров.

ЛАУРЕАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ 1967 ГОДА

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров Союза ССР, рассмотрев представление Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР, постановили присудить Государственные премии СССР 1967 года:

В области литературы — И. Андроникову, М. Кемпе, Я. Смелякову. В области музыки и концертно-исполнительской деятельности — А. Петрову, О. Тактакишвили, Т. Хренникову и А. Юрлову. В области изобразительного искусства — Е. Белашовой, В. Горяеву, И. Клычеву. В области театрального искусства — В. Розову, Г. Волчек, М. Козакову, О. Табакову, К. Ирду, В. Честнокову. В области кинематографии — В. Жалакявичюсу, И. Грицюсу, Д. Банионису, Б. Оя, С. Юткевичу, Е. Габриловичу. В области архитектуры — А. Милецкому, З. Бильскому, Л. Линовичу, А. Печенову, А. Полянскому, Д. Витухину, Ю. Рацкевичу.

Я. В. Смеляков.

Т. Н. Хренников.

Е. Ф. Белашова.

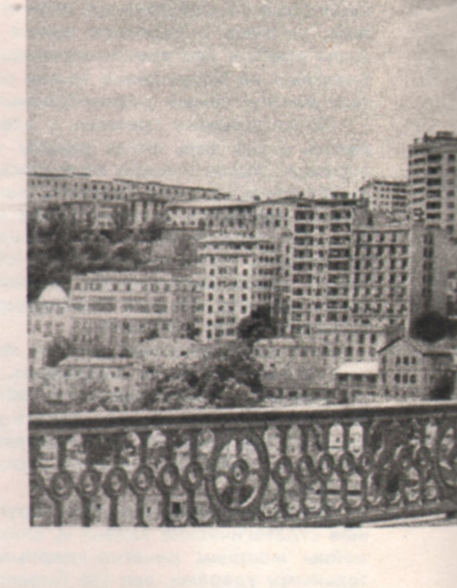

В. П. Жалакявичюс.

В. Н. Горяев.

НА АЛЖИРСКОЙ ЗЕМЛЕ

Борис БУРКОВ

Фото автора

Вспоминая поездки по Алжиру, многочисленные встречи, сопоставляя виденное с последующими событиями, с нападением Израиля на арабские народы, с той острой политической борьбой, которая развернулась вокруг израильской агрессии в стенах ООН, ясно видишь, как в этом районе мира старые хозяева пытались остановить движение народов по пути независимости. В этих условиях Алжир показал свою солидарность со своими арабскими братьями.

Нужно ли говорить, как отрадно было видеть в Алжире народ, с увлечением создающий независимое государство; видеть людей, работающих на себя, на общество; видеть ростки нового, возникающие в процессе преодоления трудностей?

— Социализм,— заявил Председатель Революционного совета Алжира Хуари Бумедьен, открывая семинар по проблемам социализма в арабских странах,— это та самая идеология, которая стала на службу преодоления наших трудностей... Нам нужно единство действий... Построение социализма — нелегкое дело. Нужно убедить массы в необходимости строить социализм. Нам надо иметь свои кадры, а не те, что остались от колониалистов.

Подтверждение этих мыслей можно было услышать повсюду в стране.

— У нашего народа пытались отнять родину, язык,— сказал в беседе с нами министр информации Беняхья.— Преподавание во всех школах ведется на французском языке. Только в этом году мы смогли ввести преподавание родного языка в первых классах. В следующем году мы введем его во вторых классах... Вы понимаете, какое время потребуется, чтобы в наших арабских школах преподавали на родном языке. Первая беда — нехватка преподавателей. Нужны свои кадры. Проблема национальных кадров — одна из важнейших и труднейших.

Беняхья был послом в Советском Союзе, и он хорошо знает, как строилось у нас народное образование после Октября. Министр как бы размышлял вслух:

— Конечно, Алжиру прежде всего нужна собственная, национальная экономика. А это тоже требует кадров. Восемьдесят процентов неграмотных — вот что оставили нам в наследство колонизаторы.

В национально-освободительной борьбе с колонизаторами погибли многие опытные государственные работники. Сейчас в руководстве много молодежи.

— Нам нужны опытные организаторы, инженеры, агрономы, преподаватели — нам нужны кадры.

Подтверждая мысль министра, нам рассказывают о встрече в одном сельском кооперативе. Председатель местного самоуправления, который из-за отсутствия бухгалтера сам вынужден составлять финансовый отчет, жаловался:

— Лучше бы двадцать часов в поле работать, чем за отчет садиться.

— Таких примеров, к сожалению, еще много,— соглашался министр.— Кадры, кадры,— повторяет он.— В подготовке кадров большую роль призвана сыграть и печать. Я хочу выразить свое удовлетворение тем, что Альжери Пресс Сервис и агентство печати «Новости» заключают договор о сотрудничестве. Нам ведь нужно и много опытных журналистов.

Назавтра после беседы мы были гостями столичного детского дома имени Лумумбы. Там мы присутствовали на занятиях по арабскому языку.

В четвертом классе мы видели самодельный стеклограф, на котором ребята печатают ежемесячный журнал «Еж и шакал». Тираж — 150 экземпляров. Авторы, художники, редакторы — сами учащиеся. Помимо «Ежа», выходит еще квартальный журнал «Наш дом». Его печатают тоже на самодельном стеклографе.

Директор детдома Умата Рали показал нам территорию, спальни, другие помещения. Везде чистота, обилие цветов, большое количество картин, скульптур — творения самих детей. Жизнь ребят в этом доме организована умело, интересно.

Умата Рали просил советских журналистов связать их школу-детдом с советскими ребятами: арабские школьники хотят получать письма от школьников Советского Союза, посылать им свои журналы...

— Этого симпатичного парня зовут Мохамед, он свое дело знает,— так нам представил нашего водителя алжирский журналист товарищ Иналь, который учился, а потом работал корреспондентом в Москве.

— Дорога дальняя,— заявил Мохамед,— но вы можете быть совершенно спокойны. Много увидите, узнаете, хотя и не обещаю вам тихой езды.

Мохамед оказался прав: мы многое увидели, многое узнали.

Недалеко от столицы, живописного белого города, раскинулись виноградники государственного хозяйства. Раньше они принадлежали господину Боржо, одному из крупнейших здешних колонизаторов.

Четыре года директором хозяйства работает тридцатилетний Мамри Муса. Жизненный путь его был нелегок. В годы сражений против колонизаторов его арестовывали. Однажды около месяца он просидел с друзьями в заточении в... винном чане.

— Вот в таком,— говорит Мамри, показывая на огромный резервуар, замурованный в бетон.— Не все выдерживали эту пытку. Так колонизаторы «наводили порядок» в районе города Константина. Сам город очень интересный, увидите — запомните на всю жизнь.

Мамри показал винный завод, виноградники, сад, спортивные площадки («У нас свои футбольные команды»,— с гордостью сообщил директор).

Когда видишь виноградники, узнаешь о богатствах недр, любуешься великолепной природой, понимаешь, почему колонизаторам не хотелось покидать страну.

Хозяйство носит имя национального героя Бушуали. Летом здесь занято около тысячи рабочих. В первый же год здесь, как и в других государственных хозяйствах, был избран комитет самоуправления. В руководстве хозяйством решающее слово принадлежит директору как представителю государства, но работает он в тесном взаимодействии с комитетом самоуправления.

Многие рабочие малограмотны или совсем неграмотны. Но тяга к знаниям велика. Созданы различные кружки, школы. К поручениям

Город Константина.

Урок родного языка.

В ущелье Шифа.

комитета относятся с романтической увлеченностью — так настоящий хозяин вершит свои дела.

Роскошный дом бывшего владельца, как музей, сохраняется в том виде, как при Боржо. Лишь отдельные комнаты отведены под занятия кружков. Мебель, ковры, библиотека, картины, скульптуры — все в этом огромном особняке подчеркивает богатство владельца. А кругом царили бедность и нищета. При входе, на вешалке — шляпа, пиджак, трость: Боржо спешил... Возможно, думал вернуться?!

От города Бужи, расположенного на горе с живописным видом на море, мы двинулись по дороге вдоль самого берега. Порой дорога как бы повисает над морем — внизу отвесный обрыв. Тоннели, гроты. Солнце спускается к горизонту. Море ярко-синего цвета. Зеленые долинки. Рощи.

Ночевали мы в городе Джиджелли. Если вам когда-нибудь придется побывать в этих местах, не спешите отправляться спать. Погуляйте по этому небольшому городу. Обязательно зайдите на городскую площадь около церкви. Вся площадь в тюках с зеленью, овощами. Людей не видно. Но, если присмотритесь, под деревьями на асфальте или скамьях отдыхают крестьяне, готовясь к шумному базарному дню.

По дороге от Джиджелли до Константины обилие розовых кустов олеандра, ярких, мощных.

Город Константина расположен на массивных скалах. Он разделен глубоким трехсотметровым ущельем, через которое перекинуты мосты. Один из них, подвесной, в ветреную погоду раскачивается: пешеходы и едущие в машинах хорошо это чувствуют. На высокой скале над городом — статуя женщины, изображающая торжество колонизаторов...

— Может быть, мы и не будем убирать этот монумент. Пусть он стоит для истории,— говорит редактор местной газеты Белькасем Каддур,— но обязательно воздвигнем новый монумент, монумент независимости.

Председатель городского народного управления Будженана Ахсен на приеме, устроенном в честь советских журналистов, сказал добрые слова о нашей журналистике. Мне приятно сообщить это через журнал «Огонек». С большой теплотой говорил мэр о советских специалистах, помогающих алжирскому народу. По его совету мы посетили завод «Алжирская керамика». Наши инженеры-москвичи Петр Романов и Станислав Кочетов стали настоящими друзьями арабских рабочих. Это мы почувствовали и в словах председателя комитета самоуправления этого предприятия Алёни Саля, рассказавшего нам о них.

Путь от Константины до Аннабы покрываем за полтора часа. Здесь строится металлургический комплекс с участием Советского Союза, Франции, Италии и других государств. Предприятие должно быть сдано в эксплуатацию в 1969 году. Сталелитейное и прокатное производство обеспечивается СССР, доменное — Францией.

В столицу возвращаемся самолетом. В тот же день осмотрели старый арабский квартал — Касбу. Тесные, грязные улицы, неудобное жилье. В этом районе жили только арабы. «Европейский город» существовал для колонизаторов. Завоевание независимости вернуло алжирцам их столицу.

В Касбе что ни улица, то базар. Вот улица мясников — сплошные ряды мясных прилавков. Рядом торгуют рыбники. Есть улица парикмахеров — на широких ступенях, круто поднимающихся в гору, цирюльники принимают своих клиентов. На улицах-базарах неумолчный шум. Идет бойкая торговля.

Мы заходили в дом, где живет шестнадцать семей. В помещениях тесно, но очень чисто. Женщины, девушки и совсем маленькие девочки заботятся о порядке в доме.

Красивый, хорошо построенный город Алжир. На фоне современных зданий особенно бросаются в глаза дома старого квартала Касбы. Квартал этот — наглядное пособие, демонстрирующее сущность колониализма. Теперь у столичного муниципалитета большие планы улучшения быта жителей Касбы.

Выходной день алжирские журналисты предложили посвятить знакомству с достопримечательными местами близ столицы.

«Ситроен» на большой скорости вылетает за город. В ясный день море особенно красиво. В густой роще — новые легкие здания с высокими и узкими колоннами. Это поселок сельскохозяйственного кооператива. Такие кооперативы кое-где создают бывшие партизаны.

В двадцати километрах от Алжира — Сиди-Ферруш. Здесь в 1830 году высадилась эскадра французских колонизаторов. Сто тридцать лет пришлые «хозяева» наводили свой «порядок», отнимая у людей родину, свободу и даже язык.

Еще тридцать — сорок километров. Типаса. Римский город начала нашей эры. Руины древних театров, дворцов. Колонны, портики, скульптуры.

А еще дальше городок Шершель. Городок как городок. Но вот среди современных домиков древние колонны, а вот и остатки арены... Здесь была столица римской провинции — Цезарейской Мавритании в Африке.

Древняя история еще раз встречалась в дороге. Это Могила христианки. Ей двадцать веков. Сорок метров высоты, шестьдесят колонн, семьдесят метров в диаметре — таковы данные о каменной могиле-холме. Здесь похоронена внучка Клеопатры, жена берберского императора.

— А теперь,— шутят наши алжирские коллеги,— заедем к нашим самым древним предкам.

Ущелье Шифа. Нет еще и шести часов вечера, но здесь властвуют сумерки. Много людей. Взоры устремлены вверх. Сверху спускаются обезьяны. Некоторые с детенышами. Среди туристов большое оживление, особенно среди детей. Еще бы! Настоящие обезьяны и подходят так близко! Полакомившись тем, что предложат туристы, и напившись в реке (на водопой обезьяны спускаются каждый вечер, и тогда разрешают своим дальним «потомкам» покормить их), они скрываются за камнями и деревьями на вершине...

Дальше путь лежит к Шреа — туристскому городку на высоте 1 500 метров. Кругом горы и могучий лес. У въезда в городок плакат «Добро пожаловать!». Это написано на многих языках, в том числе и на русском.

Последний день в Алжире мы провели на семинаре журналистов арабских стран и в редакциях газет.

«Аль-Муджахид» (что значит «Борец») — популярная газета. Ее директор Буругда рассказал, как публикация писем читателей оживила газету, повысила интерес к ней. А директор радиотелевизионного вещания Башир Разуг сообщил: «Подготовили свои кадры, учитываем желания слушателей, возвращаем народу его родную речь».

...Последнее утро перед отлетом. Солнце только-только поднимается. В саду отеля — птичий концерт. Закроешь глаза — и словно в лесу. Легкий теплый ветерок заносит в комнату аромат цветов, деревьев и моря... Красивый город! Благодатная страна! Хочется, чтобы никто не мешал народу этой страны строить новую жизнь.

Анатолий КАЛИНИН

Не для себя

Приходит день, когда все вокруг и в тебе самом начинает трубить: в дорогу! Но этому обычно долго предшествует настроение сборов. Оно подкрадывается исподволь и точит, как туман снежную глыбу. А тут еще и степь, прежде времени теряющая свои летние цвета, все плотнее окутывает черными лентами распаханных полей. Грачи митингуют в лесополосах о маршрутах отлета на юг.

И все окружающее, привычное, даже самое близкое, тот же Дон, чешуйчато переливающийся под яром, тоже настаивает на твоей отлучке, как бы для того, чтобы после возвращения домой ты увидел и ощутил все это по-новому. Но все же еще чего-то недостает, чтобы окончательно выбрать дорогу. До тех пор, пока ее не подскажет тебе взгляд, брошенный на осиротевшие окна уехавшего друга.

I

С тех пор как наш райцентр откочевал из станицы Раздорской, я реже хожу и езжу туда из хутора по береговой дороге вдоль Дона. А бывая там, совсем уже редко сворачиваю от площади по кривой уличке к тому дому, мимо которого никогда прежде не проходил, не позвякав обручем на столбике калитки. За те двадцать с лишним лет, как впервые я увидел этот казачьей постройки дом, хозяева его менялись пять раз. И из дверей его теперь веет совсем иными запахами, чем раньше. Пахнет оттуда аптекой, а раньше всегда пахло пылью степной дороги, пшеничным полем, полынью и вообще смесью всех тех запахов, которые только из степи могут принести с собой люди. Потому что и жили всегда в этом доме те, чей путь с утра, с порога, лежал прямо в степь, и посещали обителей его чаще тоже степные люди: председатели колхозов, директора совхозов, агрономы, трактористы. И сколько бы ни менялись обитатели этого дома, при всей их непохожести друг на друга, даже резкой противоположности в характерах было у них у всех и нечто общее. А теперь, когда издали память начинает производить отбор самых приметных черт этих людей, перед взором вдруг начинает вырисовываться и сам волнующий образ того времени.

Вдруг так явственно скрипнут ступеньки под шагами самого первого из отсчитываемых теперь памятью обитателей этого дома — Ивана Григорьевича Беляева. В то утро военной весны спускается он с крыльца к станичной пристани, к которой только что причалила из Ростова баржа с семенной ссудой. Иван Григорьевич, как обычно одевались тогда в районах, в защитного цвета костюме, в сапогах, русоволос, молод, подтянут. На пристани его ждут женщины с сумками, в которых они разнесут по своим колхозам семенное зерно,— никакого транспорта в районе после изгнания из него фашистских оккупантов не осталось и ни одного быка нельзя было взять из борозды — и на коровах пахали. Накинет себе на плечо сумку с зерном и секретарь райкома и пойдет с женщинами в хутор Конычин. И ни одного грамма семенного зерна не будет утеряно по пути, не говоря уже о том, что пересыпано в чей-нибудь карман, хотя и сами женщины и их дети в то время в ограбленном фашистами районе голодали и даже умирали от голода.

Ивану Григорьевичу как-то удавалось и слиться с людьми и не раствориться среди них. Может, потому, что он и сам был из казаков — из станицы Митякинской,— ему проще было найти с ними общий язык. Но и не только поэтому. С вечера с ружьишком переправится за Дон на утиные озера, посидит там до рассвета с охотниками в камышах или с колхозниками-рыбаками у костра, а утром придет в райком, соберет членов бюро и выложит перед ними о жизни того или иного колхоза столько, сколько не узнать, бывая в служебных командировках, и за год: давайте разбираться. Из младших агрономов был, Миллеровский сельхозтехникум окончил. И не было, чтобы когда-нибудь принуждал он председателей колхозов — всех — отсеяться в одни и те же сроки, хоть и поступали тогда в районы телеграммы: «Невыполнение к сроку плана посевной рассматривается как измена родине». Но уже с того года, как изгнали фашистов, район стал давать фронту хлеба столько, что и на груди у секретаря райкома появился орден Отечественной войны.

Еще до сих пор иные женщины в колхозах района не могут простить тому заезжему инженеру, что увез с собой в Москву Марию Степановну Каширину. Теперь это уже пожилые женщины, но тогда они были молоды. И удивительные отношения были у председателя райисполкома с ними. Помнится, у Марии Степановны была «персональная» полуторка, у которой вечно не ладились гуки, хотя шофер и щеголял — один на всю станицу — в шароварах с лампасами. Не надеясь на него, Мария Степановна с утра уйдет в своей теплой серой кофте и черной юбке, в пуховом сером платке, в сапогах в ближайший хутор и оттуда на перекладных, а то и снова пешком по станицам — по всему району. Из дворов зазывают ее: «Мария Степановна, у меня уже жерделы поспели», «Мария Степановна, Олюшке три года уже...» Знала она не только тех, кто окликал ее, но и их детей: как зовут, сколько им лет, кто когда пошел в школу. Не от этого ли знания семейной жизни людей и начиналось ее знание жизни колхозов? Сама в прошлом доярка — у нее так на всю жизнь и осталась боль в суставах пальцев,— она находила безошибочный путь к сердцам женщин, которые в то время и составляли главную силу в колхозах. Пахали, сеяли, убирали и сдавали государству хлеб, воспитывали детишек. Когда Беляев с Кашириной проводили районные совещания председателей колхозов и Советов, нетопленный зал раздорского станичного клуба сплошь почти заполняли платки и полушалки.

Но к тому времени, когда уехавшего в другой район Беляева сменил Иван Павлович Емельянов, стал вкрапливаться в них и блекло-зеленый цвет армейских гимнастерок. Возвращались в станицы и хутора фронтовики, становились в райкоме на партучет — кстати, у большинства исчисление партийного стажа начиналось на фронте — и направлялись райкомом на работу в колхозы и совхозы. Скользнешь в зале клуба взглядом по рядам: кто с пустым рукавом гимнастерки, заткнутым за ремень, кто с костылем, кто на свежеобструганной деревяшке, с рубцом через все лицо. И когда вечером зажгут керосиновые лампы, так и заполыхает в клубе золото и серебро орденов и медалей.

Емельянов и сам пришел в райком с фронта. Неразговорчивый, больше любил слушать других, и когда, случалось, разгорятся на заседании бюро райкома страсти, достанет из-за голенища сапога трубку, окутается облаком дыма и сунет трубку обратно. Значит, сердится — и страсти остывали. Может быть, наиболее существенной деталью из всего райкомовского инвентаря для него были счеты. Ночи напролет считал и умножал гектары, центнеры, рубли, изыскивая кратчайший путь укрепления экономики разоренных войной колхозов. В условиях правобережного придонского района только от продажи винограда можно было получить деньги, чтобы поставить колхозы на ноги: приобрести машины, породистый скот. С виноградарями чаще всего и встречался Емельянов. Время это потом назвали периодом восстановления. В областной сводке район располагался где-то посредине, но был он из середняков крепких. И секретарь райкома, казалось, не столько спешил вывести его во главу сводки, сколько привить руководителям колхозов стремление к основательности. Пусть не первые в сводке, но зато и на будущий год не скатимся вниз. Надо, чтобы в колхозах было зерно и на семена, и на трудодни, и на фураж.

На трудодни, кроме этого, выдавали колхозникам виноградом, деньгами. А деньги вскоре завелись в кассах колхозов от продажи того же винограда. Правда, капитального строительства тогда почти не было — коровы, овцы, свиньи, куры зимовали в сараях, крытых чаканом и соломой. Но, пожалуй, и не приспело еще время для того размаха, с каким развернулось это строительство позднее. С приходом в райком нового секретаря Ермина взамен Емельянова, уехавшего в партшколу.

Его приход совпал с теми переменами в сельском хозяйстве, начало которым положил в 1953 году сентябрьский Пленум ЦК партии. Как бы там ни было, а от этого Пленума и пошло то движение в деревне, которое заставило на многое взглянуть по-иному. Открыто и мужественно сказано было о запущенности сельского хозяйства. И пора было райкомам повернуться лицом к экономике, оценивать результаты своей деятельности по тому, что у людей на столе. К сожалению, потом все больше утрачивался этот подход и стали преждевременно пожинаться лавры. Как будто урожай на полях и достаток в дома людей после хорошего решения могли прийти сами собой. Может быть, самое печальное и состояло в том, что утратился самокритичный подход к делу, который был провозглашен на сентябрьском Пленуме. И на старый, отвергнутый шаблон надвинулся новый.

Но творческие силы, бродившие под поверхностью деревенской жизни, уже разбужены были. Взглянув на молодого секретаря райкома партии Льва Борисовича Ермина, сразу можно было почувствовать, что золотая середина его не устраивает. Да, район был крепким сравнительно с отстающими, но не сравнительно с его ресурсами. Нигде же больше нет такого счастливого сочетания донского чернозема, луговых пастбищ и прибрежных склонов, издревле облюбованных казаками под виноград. Тогда впервые Ермин и произнес на районной партконференции слово «специализация». Если все взвесить, то производить район должен главным образом продукцию живот-

Л. Чичкан. НОВОСТИ.

А. Мазитов. БАРАБАНЩИК.

новодства и виноград, а зерновое хозяйство должно стать основой развития животноводства. И раз так, то пора строить и современные коровники, свинарники, птичники. Впервые началось такое широкое строительство в колхозах. Появились механизированные фермы, занялись искусственным осеменением, племенным делом. Из середняков район выбивался в передовые. Секретарь недаром был агрономом: не насиловать землю, прекратить потребительский подход к земле! Так, в условиях полузасушливой Донщины нельзя обойтись без пара — грозы сорняков, прочной гарантии урожая. И как там ни считай, ни сетуй, что при этом много гуляет земли, она потом с избытком вознаграждает своих хозяев. Даже при самой сильной засухе пшеница, посеянная по пару, без урожая не оставит.

Однако не начинается ли обычно насилие над землей с насилия над душами людей?.. Над их знаниями, опытом и смекалкой? Самого хорошего хлебороба, если его день и ночь учить, как и когда сеять хлеб, не давая самому подумать об этом, можно сбить с толку. Иногда по молодости, но чаще по своей непримиримости к плохой работе мог быть Ермин и крутым — в районе и сейчас еще не забыли, как он одного за другим спустил с номенклатурной орбиты всех пьяниц,— но камня за пазухой не носил. Агрономически образованный, он и у других умел возбудить жажду учиться. Вот когда экономические семинары на полях вошли в обиход районной жизни. Руководители колхозов и совхозов, агрономы, зоотехники, механизаторы ездили за опытом и в другие районы области — в Егорлыкский, в Сальский. Сам беспокойный, не давал покоя и другим. Кабинеты в райкоме больше пустовали, зато райком всегда знал, что творится у него в районе — на полях и под крышами домов.

Ничего зазорного нет в этом приобщении к экономике, если за хозяйственными заботами не забываются сами люди, их настроение, сомнения, замыслы, нужды. И когда решили потом взять Ермина из района на работу более, как принято говорить, крупного масштаба, то сколько бы ни гордились этим в районе, еще больше о нем жалели. Даже те, кто в свое время на себе испытал бескомпромиссную крутость его характера. И сам он, приехав из Москвы для «сдачи дел», попросил на границе района шофера остановить машину:

— Дальше, Александр, хочу немного пройти пешком. Неизвестно, когда еще придется побывать. Все-таки здесь пять лет жизни прошло.

Своему же товарищу по институту Шаламову, которого избрали на пленуме секретарем райкома партии, он на террасе секретарского дома, увитого лозами изабеллы, посаженной еще Беляевым, говорил:

— Главное, Федор, разбудить в человеке совесть. Конечно, легче всего поставить на нем крест, но ты попробуй вытащить из него то, что он, может, таит не только от других, но и от самого себя. Обычно ведь люди и стыдятся своих лучших чувств. И не нажимай, не спеши с человека, как у нас еще говорят, стружку снять. Иногда встряхнуть человека для его же пользы нужно, но если без конца на него нажимать, у него же опустятся руки. Он начнет бросаться то в одну сторону, то в другую, привыкнет все делать по указке и отучится думать.

Этих слов он мог бы и не говорить своему другу. Вот и вместе учились и потом все время не порывали связь, работая один в райкоме, а другой в МТС и в райисполкоме — в том же самом, где когда-то работала Мария Степановна Каширина,— но по характерам трудно было бы найти людей более непохожих. Кстати, не на разности ли характеров чаще всего и основывается дружба... Иногда можно было подумать, что райком не столько принимает решения, сколько сводит воедино то, что подскажут ему люди в колхозах и совхозах. Но, может быть, искусство руководства и состоит в том, чтобы «отобрать» у многих людей лучшее и суметь превратить это в целеустремленное действие. Вот и оказывалось, что решения, которые принимал райком, были, по сути, подготовлены многими авторами. Нельзя сказать, чтобы это отрицательно сказывалось на жизни района, напротив. Росла урожайность, увеличивалась и продуктивность животноводства. Правда, оставленные Ерминым, так сказать в наследство, замыслы по специализации увядали под лавиной каждодневных «идей» и «новшеств», спускаемых сверху. Получалось, что провозглашенная свобода творческой инициативы оборачивается лишь единоличной свободой, все время подбрасывающей хлеборобу «с горы» новые проекты. Какая там специализация, развитие наиболее выгодных для местных условий отраслей сельскохозяйственного производства, если один человек за всех агрономов заведомо знает, что надо сеять и что развивать в каждом районе... Но и отказаться от давно уже наболевшего, о чем и с Ерминым немало переговорили все на той же террасе секретарского дома, нельзя. Пусть исподволь, но и к специализации в районе скорее можно прийти по пути орошения. Шаламов знал, что об этом же думает и главный агроном винсовхоза «Раздорский» Иван Иванович Гундоров. Вот пусть и докажет преимущества поливного земледелия, и не гденибудь, а на полях того же колхоза «Родина», самого отстающего в районе. Только с помощью орошения и можно поднять этот колхоз. Если начинать вводить орошение в районе, то лучше всего на некогда затопляемых полыми водами (до постройки цимлянской плотины), с тех пор оскудевших землях за станицей Мелиховской.

И вот уже радуги в самые ясные полдни стали опрокидываться над ними. Какая стала вымахивать пшеница, какая кукуруза на увлажняемой земле! Озимой получали по 25, по 30 центнеров с гектара, кукурузы — по 50—60 центнеров в початках, по 300—400 центнеров в зеленой массе. В три года расплатился колхоз с многолетними долгами; перешел на ежемесячную денежную систему оплаты труда. Повеселели люди. Но были в станице и, что называется, вековечные лодыри. Имеет свой виноградный сад, приторговывает ранними гроздьями и вином в городе, а из колхоза не отчисляется по заинтересованности в налоговых и иных льготах. Конечно, можно и исключить его из колхоза, но это крайняя мера. И штрафами бороться за укрепление трудовой дисциплины бесполезно. Надо дать человеку почувствовать, что даже со своего буйного личного сада он ни за что не получит таких доходов, как в колхозе, работая на ферме, на тракторе, на дождевальной установке. Самое верное в борьбе за трудовую дисциплину — все то же повышение доходности от общественного труда. Даже самый закоренелый, если он видит, что вокруг хорошо зарабатывают, строятся, покупают мотоциклы, автомашины, телевизоры, задумается. Наступает день, когда он идет в колхоз просить работу. Когда-то у него пропала охота к ней потому, что он почти ничего за нее не получал, а потом он занялся торговлишкой, разбаловался и вообще повернулся к колхозу спиной. Теперь же ему прямой расчет опять повернуться лицом. Теперь в станице Мелиховской все просят работу.

Есть люди, которые только тогда и разворачиваются, когда для них приходит пора самостоятельных действий. Так произошло и с Горячкиным, вторым секретарем райкома и при Ермине и при Шаламове. Не то чтобы они отодвигали его в тень — он сам оставался в тени. И избрали его первым секретарем после отъезда Шаламова из района в противоречивое время. Произносятся слова о свободе творческой инициативы, а сеять люцерну, без которой о развитии животноводства и думать нельзя, иметь пары, чтобы застраховаться в условиях полузасушливой зоны от неурожая,— преступление. В ходу ярлыки: «травопольщики», «очковтиратели». Никто же не против кукурузы, ее и раньше сеяли на Дону, но если все свести только к ней одной, то неизбежен и авитаминоз у животных и другие беды. Чтобы ощутить перспективу района, надо изучить экономику каждого колхоза, людей и землю, а тут перестройки. Вечером в телефоне раздается бодрый голос секретаря парткома только что созданной Цимлянской зоны Чубаря: «Александр Васильевич, вас можно поздравить с вхождением в нашу зону. А утром для первого знакомства и сам приеду». Ну, значит, жена, вари донскую уху, надо же встретить гостя. Только что Чубарь уехал, от чистого сердца похвалив стерляжью уху, как звонит из Октябрьской зоны секретарь Бойко: «Тут, Александр Васильевич, есть телеграмма о границах нашей зоны. Включая и ваш район. Если не возражаете, я в середине дня приеду». Что ж, жена, придется тебе для пользы дела варить и во второй раз уху, сейчас я сбегаю к рыбакам. А вечером, уже после отъезда Бойко, с которым состоялся хороший разговор о возможностях и перспективах района, звонок из Задонья, от секретаря Семикаракорской зоны Шамрая: «Все прежние решения отменены. Еду принимать хозяйство».

Так три раза и пришлось жене секретаря райкома варить в один и тот же день донскую уху — запомнится и ей перестройка. Но если бы на этом ограничилось... Объединяют район с Константиновским — переезжай Горячкин в Константиновку, где теперь райцентр. Прощай, стало быть, и старый секретарский дом в Раздорской, под крышей которого прошумело столько лет и страстей, а раздорским председателям колхозов, директорам совхозов отныне придется ездить на разные районные совещания в распутицу, в дождь и в метель через Северский Донец. Хорошо еще, что не без надежды на возвращение районов в старые границы удалось добиться, чтобы Раздорский включили в Константиновский район целиком, а то ведь хотели разорвать его, растянуть по частям единый массив правобережных виноградарских земель. Часть отдать Константиновскому, а часть Октябрьскому районам. Попробуй тогда стягивай их по лоскутам в русло специализации, о которой все еще точит думка, вынашиваемая колхозниками и агрономами годами.

В новом же районе, чьи земли растянулись по правому берегу Дона на двести километров, все внимание надо прежде всего обратить на восточные запущенные колхозы и совхозы. До раздорских, более крепких, не доходили руки. Но за перестройками и из них постепенно выходила «крепость». Год от года уменьшались и вскоре почти свелись на нет паровые поля, и, как бы ни выявлялся при годовых подсчетах общий рост продукции животноводства, перспектива была туманной. Все заново анализируй и планируй уже не в сложившемся, Раздорском, а в укрупненном, Константиновском, комплексе и масштабе. И когда пришло наконец решение о возвращении районов в прежние границы, то, как бы ни была выстрадана эта (теперь уже последняя) перестройка, нервы задребезжали. Вновь переключаться, заново анализировать, начинать с азов. И опять с семьей переезжать за Донец. К тому же не в Раздорскую, не в тот, увитый изабеллой и обжитой секретарский дом, а в новый райцентр — в Усть-Донецк. Туда, где построили за эти годы на впадении Северского Донца в Дон крупнейший на юге речной порт.

Задребезжали нервы и потому, что утеряно было столько времени, и потому, что непросто же опять вселить веру в людей. Убедить их, что это уже действительно последняя перестройка, без которой не обойтись. И если бы не решения Пленумов ЦК, то и не поверили бы они.

Решения давали им возможность опять ощутить себя хозяевами на земле.

Полноправно ответственными за урожай. Свободными при составлении планов. Избавленными от опекунов и предначертаний, что сеять, когда сеять, на какой земле.

Разумеется, и инерцию прошлого не просто преодолеть. Еще будет сказываться она и на экономике района. Если бы, например, не «изничтожение» паров, то и нынешний засушливый год наверняка бы он закончил не с 11 центнерами урожая.

И все же по одному только этому году судить о районе нельзя, как, впрочем, и о всей Донщине. Если в 1958 году колхозы и совхозы района производили по 120 центнеров молока на сто гектаров сельхозугодий, то теперь только за 7 месяцев года произвели его по 140, а к концу года произведут не менее чем по 190—200 центнеров с каждых ста гектаров. И если мяса производили по 23,9 центнера, то теперь за одно полугодие — по 34,1. Выросло и поголовье крупного рогатого скота с 19 голов на 100 гектаров до 33 голов, а коров — с 6 до 12. На логарифмической линейке, с которой не расстается Горячкин, он тут может подсчитать, что и доходность с гектара пашни за 8 лет увеличилась на 83 рубля.

II

И вот мы едем с Горячкиным по осенней, какой-то строгой и почти безмолвной степи. Частично она еще в щетине стерни, но больше уже распахана. В колхозе «Родина» убирают на силос поливную кукурузу. Горячкин заходит в зеленую чащу, скрывается в ней. Нет, в районе не шарахнулись ныне в другую крайность, не стали развенчивать «королеву полей», как в свое время люцерну. Комбайнер Николай Ажинов убирает по 280, по 300 центнеров зеленой массы с гектара... Перерыв. Под большой вербой расположились на обед механизаторы. Из сумок, корзинок и ведерок достают к общему «столу» домашнего приготовления сало, яйца, жареных кур. Горячкин затаенно улыбается, увидев, как просверкнула при его приближении и спряталась в корзине бутылка. В правобережных донских станицах у каждого на усадьбе виноградный сад, свое вино. Лежат на разостланной газете помидоры. В сахарной изморози распахнутый ножом на два полушария большой бирючекутский арбуз.

Секретарь райкома спрашивает у главного инженера колхоза Рогачева, почему машины не успевают возить из-под комбайнов силос. А значит, и комбайны простаивают.

— Еще бы, Александр Васильевич, нам подбросить из автоколонны машин пять-шесть,— отвечает Рогачев.

Горячкин не соглашается:

— А вы взгляните, в каком состоянии у вас дорога. По этим ухабам, Николай Андреевич, вам никогда за комбайнами не угнаться. И если почистить здесь грейдером, те же самые машины будут делать концов в два раза больше.

Кукуруза стоит сочная, буйная. Вот когда — в засуху — орошение особенно показало себя. И пшеница на поливных участках дает почти по 30 центнеров с гектара. С орошением связано и уменьшение себестоимости молока — в колхозе «Родина», пока единственном на весь район, оно впервые в этом году стало прибыльным.

Едем снова по тихой и ясной степи. Золотится стерня, чернеет свежая пашня. Под горой у Дона зарябили крыши станицы Раздорской. Где-то между ними и крыша бывшего секретарского дома. Не ее ли так упорно выискивает взглядом Горячкин, когда говорит:

— Вы теперь поедете в Пензенскую область, поинтересуйтесь там специализацией. Это же старый конек Ермина, только он его не успел здесь как следует оседлать.

...И вот уже в Ростове первый секретарь обкома партии Иван Афанасьевич Бондаренко как бы продолжает этот разговор:

— Вместе с приветом передайте Ермину, что после мартовского Пленума ЦК и мы здесь специализацией вплотную занялись. Это же — будущее сельского хозяйства.

Бондаренко вместе с Ерминым учился в одном сельскохозяйственном институте, и, уже работая секретарями райкомов в Ростовской области, они не теряли из виду друг друга. Не поэтому ли, кстати, и теперь между столь отдаленными одна от другой Ростовской и Пензенской областями завязывается нечто вроде соревнования, начинается обмен опытом? Конечно, и не без ревности, быть может, и зависти, но не исключающей радость от успехов друга. Ермин уже шесть лет работает первым секретарем обкома, Бондаренко — только год. И секретарский экзамен его пришелся на трудный год. Минувшая осень была сухой, весна холодной, а лето непомерно жарким. Полмиллиона гектаров посевов погибли зимой, тринадцать тысяч гектаров пыльные бури «унесли», сто двадцать тысяч выпали из оборота по всевозможным иным причинам — и все это надо было восстановить да еще и посеять сверх плана сорок девять тысяч гектаров. Подкормили и миллион гектаров озимых. Но вот когда сказалась и нехватка паров.

— Конечно,— говорит Бондаренко,— борьба за урожай — это сумма агротехнических и иных мероприятий, но и без паров на Дону нельзя. По меньшей мере вдвое будем увеличивать их площадь.

В газетах обычно пишут: «молодой председатель колхоза», «молодой секретарь райкома». Но ведь и секретарь обкома может быть молодым — теперь это не редкость. Отвечать же надо за огромную индустриально-сельскохозяйственную область. Невиданный размах. Надо суметь возвыситься над масштабами прежних представлений. А люди смотрят на нового секретаря настороженными глазами. Едет Бондаренко по Егорлыкскому району, проезжает и улицей родного села Ильинки, а старики и старухи, облепившие в предвечерний час скамейки, как эстафету передают от ворот до ворот:

— Иван едет. Афанасия Бондаренко сынок.

Они его знали, когда он еще по бахчам лазил. Старый тракторист Кирилл Белоконь и плотник Федор Малыгин, узнав его машину, спешат наперерез ей слезть с лесов дома, который они помогают строить вдове, зазывают к столу под деревом. За столом, конечно, в упор вопрос:

— Ну как, трудно? — И сочувствуют: — Да, усчастливился ты в таком году на такое место попасть. Тут засуха, а тут юбилей. Но ты смотри. Понятно, и с продажей хлеба Дону нехорошо будет отстать, но и животноводство нельзя же оголодить. По первому году к тебе должны лучше прислушаться, вот ты об этом так прямо там и скажи, где надо.

Трудный год. Но не в такое ли время и испытываются связи руководителя с людьми и он может воочию ощутить всю меру своей ответственности, масштаб работы?

Взглянув в окно, за которым — за лентой скрытого жилыми кварталами Дона — купается в осенней желтой дымке левобережная степь, Бондаренко повторяет:

— Специализация — это же сельское хозяйство, поставленное на промышленные рельсы. Его будущее и надежда. Передайте Ермину, что будем ездить и в Пензу за опытом. Ни у кого поучиться не грешно, а у друга — тем более.

III

Дон еще долго сопутствует дороге, то перерезая ее, то петляя рядом, под крутобережьем меловых холмов. Но и за Богучаром все так же растут по его берегам вербы и тополя, хотя он здесь уже узкий, как источившийся казачий клинок. Справа — гречиха в золотистой пряже пасущихся на ней пчел, слева — лиловое поле бессмертника. Придорожные фруктовые полосы в пурпуре мелких яблок.

Это уже воронежская степь. На Донщине давно убрали пшеницу, а здесь и в конце августа она местами еще на корню. И вообще преобладает желтый цвет на полях, разрезанных черными клиньями зяби и бледно-зелеными — молодой озими. Черна августовская зябь, но как только ветер подсушит ее, так будто золой подернется земля. Иные почвы. Особенно там, где дорога, повернув перед Воронежем направо, выйдет к Балашову и, вновь повернув налево, с востока начнет вторгаться в земли Пензенской области.

В глубь России — ярче зелень кукурузных полей. Еще не скошено просо и цветет, цветет гречиха. После знойного дня упоительно свеж воздух. Только что эти степи заливали дожди — и опять жарко. Появились первые сизо-черные острова леса, окаймленные желтизной еще не убранного хлеба. Через просеки в лесах и по степи шагают с берегов Волги к Москве исполинские фермы высокомощной электромагистрали. Среди сосен и берез детишки с корзинками ищут после дождя грибы.

Но Дон и еще раз напомнит о себе — тем же Хопром, выглянувшим на извороте из камышей.

На подъезде к Пензенской области от Балашова в пол человеческого роста стоит осот, шевеля пушистыми шапками. Как Мамаева рать. Но после въезда в Пензенскую область все чище поля. У деревни Юматовки отличные, ни единого сорняка, пшеница и овес. Пастух из совхоза «Надеждинский» Михаил Анисимович Аникин, кинув на плечо кнут, бережно принимает на ладони донской арбуз. Две овчарки, сопровождающие отару, с двух сторон прилегли у его ног.

— У нас такие не вызревают. Заработок? У меня восемьдесят рублей. В нашем совхозе через дом строятся. Теперь мы с урожаем, а недавно тут заработков почти совсем не было.

...Он неизбежен, бурный напор воспоминаний при встрече после долгой разлуки. И на гребне этой волны то и дело взметываются имена общих друзей:

— Ну, а как же там дед Тимоша?

— А Николай Петрович?

— А Николай Петрович второй?

— Все так же они с Иваном Ивановичем друзья-враги?

Только и успевай вставлять между стремительными вопросами свои ответы.

— Тимофей Иванович Вороновский и свой винсовхоз «Пухляковский» уже успел сделать передовым.

— Да, он тогда и колхоз Ленина поднял...

— А у Николая Петровича Кравцова, в Крымском, пшеница до тридцати центнеров с гектара дала.

— По пару?

— Он же и в самые худшие времена сумел сохранить пары. И Николай Петрович Шарапов в совхозе «Раздорский» по двадцать три центнера с гектара взял. Но с Иваном Ивановичем Гундоровым они все так же, когда бывают друг у друга в гостях, разговоров на производственные темы не ведут. Так их жены и следят, чтобы они вращались только в кругу семейных и международных тем.

— Вот тебе и учились вместе,— смеется Ермин.

Вслед за выпорхнувшей из памяти на огонек дружеской встречи первой смешинкой тянется и другая:

— А не забыл, как ко мне в кабинет ввалился целый цыганский табор?

Еще бы забыть. В районе и теперь не вспоминают об этом без смеха. Ермин работал всего полгода секретарем... Утром только что пришел в райком, разбирал перед поездкой по колхозам бумаги, когда распахнулась дверь и в его кабинет ввалились цыгане. Возглавлявший их бородатый цыган с порога взмолился: «Защити, секретарь!» Ермин удивился: «От кого?» «От нехорошего человека. Он в нашем таборе всю ночь пил-гулял, и цыганки перед ним танцевали, и он сам с ними танцевал так, что поломал свой протез и мы ему новый отковали к утру, а потом он взял и отобрал у нас конские паспорта за несвоевременную уплату налога. А как же нам кочевать без конских паспортов?!»

Тем временем цыганята, ввалившиеся с ним, сновали между тумбами секретарского письменного стола, выдвигали ящики, рассовывали по карманам цветные карандаши, пепельницу, пресс-папье и уже откручивали от телефонного аппарата трубку — хоть милицию вызывай. Но самое главное испытание предстояло Ермину впереди. Оно наступило после того, как он, вызвав к себе районного деятеля с протезом, заставил его вернуть цыганам конские паспорта. Вот тут-то главный цыган, шикнув на цыганят так, что все растащенное ими мгновенно оказалось на столе, а сами они — за дверью, и повалился, к величайшему смущению секретаря, ему в ноги: «Спасибо, секретарь, ты теперь для цыган самый лучший друг. Только скажи — и мы всё, что нужно, для райкома откуем...»

С чем только не приходится сталкиваться секретарю райкома! И, чтобы перебрать в памяти все веселые и печальные истории прошлых лет, надо не один вечер провести вместе за дружеским столом. Между тем пора уже и самому вклиниваться между бурными вопросами со своим:

— Я, собственно, приехал не только в гости. Интересуются на Дону, как здесь у вас со специализацией в сельском хозяйстве. Конечно, надо будет своими глазами посмотреть, но пока хотя бы в двух словах...

Пензенский секретарь сразу серьезнеет, веселье с его лица как волной смывает.

— В двух словах об этом нельзя.

IV

Из всех справочников можно узнать, что пензенская лесостепь — это часть приволжской. Всего лишь 6 процентов мощных черноземов, 50 процентов выщелоченного чернозема, 16 процентов темно-серых, серых и светло-серых лесных почв и 23 процента иных «почвенных разностей». Климат умеренно континентальный, среднегодовое количество осадков — от 400 до 530 миллиметров.

Приехав шесть лет назад в Пензу и знакомясь с областью, все больше убеждал-

ся новый секретарь обкома, что преобразование многих колхозов в совхозы и укрупнение совхозов привели к созданию трудноуправляемых хозяйств со множеством мелких, нерентабельных ферм и бригад. Какая может быть интенсификация сельскохозяйственного производства, если столь велики материальные и трудовые затраты на производство центнера зерна, килограмма мяса, молока, сотни яиц... Ездил Ермин по районам, встречался с директорами совхозов и председателями колхозов, с агрономами и зоотехниками, сравнивал производственные показатели ряда лет. Запущена была пензенская деревня, и не выбиться ей из отставания, если и дальше так будет продолжаться: сейте хлеб во всех районах, производите говядину, мясо и яйца в каждом хозяйстве — и везде понемногу. Тем районам, которые по их условиям должны заниматься пшеницей, рожью, навязываются высокие планы по мясу и молоку, а тем, где лучше всего растут кормовые культуры,— высокие планы по продаже хлеба. На той земле, где обещает хорошие урожаи свекла, сей хлеб. Все рассредоточено, ничего главного. Отрасли тянут одна другую назад. Какая-то единоличная чересполосица, расчлененность в плановом крупном хозяйстве. При такой раздробленности невозможно и внедрение специальной техники. Хозяйство, обязанное и пшеницу сеять, и свеклу, и коноплю, и мясо производить, не в состоянии обзавестись передовой техникой по каждой из отраслей. Свеклоуборочные комбайны, скажем, под силу приобрести лишь тому колхозу, который получает хороший доход от свеклы. И все больше анализ по каждому колхозу, совхозу, району убеждал, что увеличить производство продукции, снизить ее себестоимость можно только на основе продуманных агротехнических и экономических мероприятий — в русле специализации.

Приехал секретарь Пензенского обкома партии в Москву к тому товарищу, от которого могло в первую очередь зависеть, как будет решен этот вопрос. Товарищ этот принял секретаря, внимательно выслушал его горячий, взволнованный монолог. Правда, в увлечении не сразу заметил Ермин, как все явственнее проступало на лице у его собеседника выражение скуки. Наконец он прервал Ермина:

— Ну вот что, ты, конечно, новый там секретарь, и на первых порах тебе многое можно простить. Но учти, что были до тебя в Пензе секретари, будут и после тебя. Не ты первый, не ты последний. Так что же думаешь, ты из них самый умный? Надо же быть реалистом и не выдумывать ничего такого, за что потом придется краснеть. Вот здесь...— из возвышавшейся на письменном столе стопы книг в синих обложках собеседник Ермина вынул и раскрыл один том,— здесь совершенно ясно сказано, что в каждом колхозе должно быть не меньше четырех ферм. Понимаешь, в каждом. И незачем заниматься отсебятиной.

— Да, но...

Но собеседник Ермина закрыл том в синей обложке и положил на него ладонь:

— Почаще заглядывай.

Мрачный вернулся из Москвы в Пензу секретарь обкома. Несколько дней туча тучей ходил и потом опять ринулся по районам. Туда, где надо бы развивать свекловодство, а навязывают коноплю. Туда, где только бы производить мясо, но оттуда забирают фураж.

Вернулся из районов, собрал агрономов и зоотехников области, председателей колхозов и директоров совхозов, секретарей райкомов на совет. Условились, что по каждому колхозу и совхозу будут разработаны внутрихозяйственные проекты специализации и потом уже на их основе составлен и обсужден на областной экономической конференции областной проект. Пусть не написано об этом в тех синих томах, что у московского собеседника Ермина всегда под рукой, но ведь и не написано там, что пензенская деревня должна из года в год оставаться отсталой.

С трибуны экономической конференции ни один из председателей колхозов, агрономов и партработников не сказал ни слова против специализации, все — только за. Но они же и говорили, что начинать ее можно только при условии разукрупнения неуправляемых хозяйств. И должна специализация быть зональной, отражающей природно-экономические особенности районов, сельскохозяйственных зон. Отраслевая и территориальная с межхозяйственным кооперированием, не исключающим кооперирования колхозов и совхозов. Разумеется, в сочетании с внутрихозяйственной специализацией — иначе нельзя.

Пришли к общему выводу, что лучше всего разделить область на шесть зон. С учетом почвенно-климатических условий, уровня урожайности, себестоимости основных продуктов сельского хозяйства, размещения перерабатывающей промышленности и традиционных навыков населения. Так вскоре и появились эти зоны: зерново-свекловодческая, зерново-свекловодческая с развитым птицеводством, коноплеводческая с развитым мясо-молочным животноводством, пригородная молочно-овощного направления, зона подсолнечника, картофеля и молочно-мясного животноводства и, наконец, зона маломощных серых лесных почв, где выгоднее всего заниматься мясо-молочным животноводством и картофелеводством. Складывались и типы совхозов: зерново-свекловодческий, зерново-скотоводческий, молочно-мясной и мясо-молочный и другие.

Но пока складывались на бумаге. Как это будет выглядеть на полях, может показать только опыт. И чтобы опереться на этот опыт, областной парторганизации надо прежде всего опереться на людей, верящих в успех специализации, творческих.

V

Владимир Николаевич Волох, прежде чем стать секретарем Белинского райкома партии, был директором госплемзавода. Ермин, когда познакомился с ним и с его хозяйством, сразу увидел, что при переходе к специализации не будет ему цены. На госплемзаводе «Красное знамя» Волох уже занялся ею вплотную и сумел довести урожайность ячменя до 18—20 центнеров с гектара, а всех зерновых культур — до 15 центнеров. Помощников около себя Волох подготовил надежных, и никакого ущерба для хозяйства не будет, если он теперь перейдет в район, чтобы распространить свой опыт специализации на многие колхозы и совхозы.

— Решил показать председателям колхозов, директорам совхозов и свой племзавод и другие передовые хозяйства,— говорит Волох.— Вот, скажем, давно занимается наш район подсолнечником, а получали лишь по 10 центнеров с гектара. Стали возить руководителей в колхоз «Победа», где получают по 18 центнеров. И все же не сразу они к чужому опыту подключились. К тому же председателю колхоза «Родина Белинского» Пушанину надо было съездить не раз: «Давай, Дмитрий Александрович, еще раз посмотрим поля в «Победе», все подсчитаем точно». Пушанин — человек трудноподдающийся, но уж если почувствовал выгоду, не отступит.

За окнами райкома — площадь с памятником Белинскому с начертанными на цоколе словами о его вере в великую будущность России. Как не подумать тут, что на Руси литература издавна переплелась с жизнью? Где жизнь, там и поэзия, писал Белинский. И это в то время, когда его родной Чембарский уезд — ныне Белинский район — был крепостным. Еще и сегодня там в музее Белинского висит подлинник купчей на крестьянина, проданного одним помещиком другому. От своего отца, уездного чембарского лекаря, молодой Белинский знал, как страшно живет народ, и тем не менее верил в будущность России.

Видны из окон райкома и поля колхоза его имени, а неподалеку отсюда — в бывших Тарханах — совхоз имени Лермонтова.

— Когда приехал в район,—скользнув взглядом по желтеющим за окнами сжатым полям, продолжает Волох,— услышал кое от кого, что люди здесь негодные. Но я знал, что негодных людей не бывает. И на войне и после войны, в том же госплемзаводе, убедился. Если человек хочет работать, но у него что-то не получается, валится из рук, то надо разобраться и помочь. И то, что может принести выгоду, надо насаждать не просто силой, а силой убеждения.

Можно добавить, что когда Волох приехал в район, сеяли там преимущественно мягкую пшеницу Лютесценс-12, у которой в лучшее время ее «золотой урожай» не превышал 12—15 центнеров с гектара. Когда же заменили Лютесценс-12 твердой, Народной, стали получать до 20—25 центнеров с гектара. Широко занялись сортообновлением и по всей области. Стала внедряться озимая Мироновская-808. В том же Белинском районе даже в этом году, когда ее весной на большой площади застигли во время цветения заморозки, она дала по 20 центнеров с гектара.

— Теперь приятно стало и секретарю райкома встречаться с людьми. А ведь раньше, признаться, трудно было. Когда встречаешься, уже не спрашивают: «А на что я жить буду?» Появилась уверенность, что если работаешь, то и жить будешь хорошо.

На примере Белинского района видны реальные результаты специализации. Раньше и здесь в каждом хозяйстве старались держать всего понемножку. Кур держали во всех колхозах, а яиц продавали вполовину меньше, чем теперь. Сейчас же только колхоз «Родина Белинского» продает государству 2 миллиона яиц в год, а будет продавать и по 4 миллиона. Всего два специализированных крупных хозяйства будут продавать их в несколько раз больше, чем прежде весь район.

— Свиноводством не занимаемся теперь, потому что выгоднее зерно продавать. Но раз в районе много соломы, сена и силоса, то мы и пошли на разведение крупного рогатого скота. За полугодие на 233 процента выполнили план по мясу, на 122 процента — по молоку. А свиноводством пусть в области занимаются там, где оно выгоднее.

Все это, разумеется, лишь цифры, от которых, быть может, кто-нибудь и отвернет скучающий взор. Но за ними страстный труд людей, начинающийся с личного примера коммунистов. Ничего убедительнее личного примера нет. В колхозе имени Ленина, когда там занялись свекловодством, первым вышел на поле секретарь бригадной парторганизации Валентин Панин со всей своей семьей. Не на один день — на весь сезон. После этого только два человека и не пошли на свеклу. Волох спрашивает у Панина:

— И что же теперь вы будете делать с этими двумя?

— Еще раз пригласим, покажем. Свекла — дело трудное, надо, чтобы люди поняли выгоду,— просто отвечает Панин.

— Если руководитель будет хозяином своего слова, то и люди ему поверят,— говорит Волох.— Ошибся — скажи честно, а не хочешь сказать об ошибке, значит, ты не коммунист. И чтобы откровенность человека не поворачивалась ему же во вред. Вот с Ерминым можно обо всем откровенно говорить.

Ничего он больше не добавляет к этим словам. Да и нельзя, конечно, ожидать, чтобы секретарь райкома партии расточал похвалы по адресу секретаря обкома. Но, может быть, дороже всего было убедиться на пензенской земле, что с секретарем обкома каждый коммунист может говорить, как с товарищем. Только в атмосфере товарищества и могут обнаружиться истинные способности людей. Один человек никогда не может знать всего. Без личного примера и секретарю обкома нельзя. Вполне вероятно, что и у Ермина есть упущения, ошибки, о которых его пензенские товарищи должны знать лучше, чем приехавший к ним издалека, с Дона, гость. Но одного — беспокойства за успех дела — у Ермина не отнять. И если бы можно было хотя бы в общих чертах набросать портрет пензенского секретаря, то, пожалуй, надо было бы прежде всего дать почувствовать это беспокойство во всем его облике. Если попытаться набросать его портрет, то теми крупными и резкими мазками, которые, может быть, наиболее сродни его характеру. В кабинете его можно застать только утром, а в другое время дня кабинет больше пустует. Как, впрочем, некогда пустовал и в райкоме на Дону. И в области убедились, что Ермин не предложит чего-нибудь по наитию, просто из желания поруководить. Вот уже он давно не секретарь райкома, а закваска районщика в лучшем смысле этого слова у него осталась. Секретарю обкома положено заниматься всем, но без ошибки можно сказать, что сегодня специализация сельского хозяйства области является его главной страстью. Да, это не так просто могло прийти, что запущенное некогда сельское хозяйство области от 28 миллионов пудов хлеба, ежегодно

продаваемого государству, шагнуло почти к 50 миллионам пудов. И не в порядке штурмов, не для того, чтобы заслониться щитом рапорта, а планомерно, наращивая урожайность из года в год.

Кочует по области секретарь. Со свиноводческой фабрики, что откармливать будет по 50, а потом и по 100 тысяч свиней в год, на не менее внушительную птицефабрику и оттуда — на свекольные поля... В тот же Мокшанский район, куда съехались на семинар председатели колхозов, директора совхозов, агрономы и партийный актив свекловодческой зоны. В жаркий полдень комбайны движутся по полю, убирая свеклу, а потом агрономы областного управления сельского хозяйства, комбайнеры и трактористы рассказывают о преимуществах машин новейших марок. Привезли и образцы новых ножей для зачистки свеклы. Люди должны воочию убедиться в преимуществах механизированной обработки свекольных полей. После мокшанского семинара они разъезжаются в свои колхозы и совхозы, окрыленные не словесным, а реальным опытом.

Не может быть двух мнений о пагубности так называемого волевого начала, если оно главенствует в методах руководства, но и без волевого начала, основанного на точном знании и убежденности, тоже нельзя. Что было бы, если б секретарь Пензенского обкома партии после разговора в Москве положился на те семь томов, что лежали у его собеседника на столе... Если бы после совета с товарищами по парторганизации не употребил он и свою волю на решение задачи, которая должна была помочь, а теперь уже и помогла развитию сельского хозяйства в области.

Сейчас в области нет той лихорадки с производством и заготовками сельскохозяйственных продуктов, что прежде. Так, колхозники и рабочие совхозов в Бековском, Белинском, Колышлейском, Сердобском и Кондольском районах твердо знают, что их не заставят производить какую-нибудь иную продукцию в ущерб зерну и свекле, наиболее выгодным для этих мест. Как знают и о том, что доля колхозов и совхозов зоны в производстве сельхозпродуктов областью должна составить: 34,7 процента зерна, 49,6 сахарной свеклы, 40,9 свинины, 30,2 процента молока. Причем большая часть мяса и молока будет произведена за счет отходов Бековского сахарного завода. Так и по другим зонам. И предпочтение отдается тем отраслям сельского хозяйства, которые можно с наибольшей пользой перевести на рельсы промышленного производства. После мартовского Пленума ЦК в области развернулось такое строительство специализированных фабрик мяса, молока и других продуктов, которое было бы не под силу колхозам и совхозам, если бы они не кооперировались и не получали в больших размерах помощь от промышленных предприятий.

Вот почему и производство свинины в специализированных хозяйствах увеличилось за три года почти в два раза, сокращены затраты труда, снижена ее себестоимость. А в птицеводческих теперь производят больше половины яиц ко всему объему заготовок. Впервые в области стали прибыльными совхозы. Внедряются высокоурожайные сорта сельскохозяйственных культур. Озимая пшеница, которая почти не сеялась, теперь составляет почти половину всех посевов озимых, и, помимо пшеницы Мироновская-808, колхозы и совхозы сеют теперь лишь урожайные сорта озимой ржи Харьковская-55, Саратовская крупнозерная. Со специализацией появилась и возможность внедрять на больших площадях ценные сорта яровых. Увеличивается удельный вес твердых и сильных сортов пшеницы в структуре посевов зерновых.

Писатель Лесков назвал когда-то Пензу одним из самых темных отделений того загона, которым была вся царская Россия. Но вот уже сразу после Февральской революции 1917 года, на VII Апрельской партконференции, Ленин с надеждой говорил: «Товарищ привез резолюцию с места, из Пензенской губ., в которой говорится, что крестьяне берут помещичий инвентарь, но не делят по дворам, а обращают его в общественную собственность. Они устанавливают известную очередь, правило, чтобы этим инвентарем обрабатывать все земли. Прибегая к этим мерам, они руководствуются интересами повышения сельскохозяйственного производства. Этот факт имеет гигантское принципиальное значение...»

Ныне большое значение имеет тот факт, что с помощью специализации Пензенская область выдвинулась в число передовых хлебных, мясных, свекловодческих областей России. Опыт Пензенской, Белгородской и некоторых других областей убеждает, что с отставанием сельского хозяйства в среднерусских областях может быть покончено. Если только смелее переводить его на промышленные рельсы.

Нельзя сказать, что Пензенская область уже выглядит этакой жемчужиной. Есть еще и на ее полях осот. «В наших условиях августовская зябь решает урожай»,— говорят в Пензе. Но достаток уже пришел и в общественные хозяйства, и в дома колхозников, и в дома рабочих совхозов.

Мы как-то стыдливо связываем хорошие дела с личностью того или иного руководителя. На газетной странице еще куда ни шло о парторге, иногда о секретаре райкома можно доброе слово сказать, а вот о секретаре обкома нельзя. Вдруг ошибется, да и год на год не приходится. Но почему же надо бояться, если то, что уже сделано, обязывает произнести это слово? Ведь и пензенский секретарь обкома еще вчера был секретарем райкома. В иных масштабах иных решений потребовала от него жизнь.

Нет, пензенские коммунисты и их обком не придумали эту идею специализации. О том, что она является властным требованием времени и надеждой нашего сельского хозяйства, сказано и в Программе КПСС и в решениях партийных съездов и Пленумов ЦК. О том, что это назрело, говорит и опыт соседних областей. Пусть не в таком крупном выражении, но уже поучительный, интересный. Посидите вечер в Михайловском райкоме Рязанской области, поговорите с секретарем райкома Василием Ивановичем Мелешиным о специализации в области птицеводства. Межколхозная птицефабрика, которая строится в районе, ежегодно будет давать 12 миллионов яиц — втрое больше, чем теперь производит весь район. И межколхозная откормочная свинобаза в первый же год произведет 900 тонн свинины, а в 1970 году уже 1 800 тонн — половину того, что будет производить район. С чего началась специализация в Михайловском районе, Рязанской области?

— С мартовского Пленума ЦК,— отвечает Мелешин.— Думали о ней и раньше, но возможности открылись теперь. Нам, скажем, на одну треть снизили план продажи хлеба с учетом, что в несколько раз увеличиваем производство птицы. Занимаемся специализацией и на свекле.

Кстати, и слово это, «специализация», не какое-нибудь модное. Если почитать кандидатскую диссертацию на эту тему, подготовленную к защите Л. Б. Ерминым, то можно вспомнить и о том, что о ней в свое время писали и Маркс, и Энгельс, и Ленин.

VI

Но уже пора и на Дон. Как бы ни хороша была среднерусская лесостепь с ее осенним буйством красок и запахов и как бы ни запала она отныне в сердце с ее прекрасными людьми, не случайно же все чаще начинает вклиниваться в разговоры с другом и это слово «Дон». Да, пора в обратный путь.

И не случайно еще задолго до въезда на Донщину начинаешь всматриваться и вслушиваться во все, что так или иначе созвучно ей. С жадностью вчитываешься и в это слово на стреле дорожного указателя: «Задонск». И хотя сам Дон здесь непривычно узкий, но все те же по его берегам вербы, тополя, а на крыше дома кованый конь, вздыбившись, положил ноги на выступ трубы. Если и не казак живет, то «с чудинкой» человек. А вот отножина дороги отходит и налево — на Липецк, и как тут не вспомнить еще об одном земляке... О Сергее Тимофеевиче Пузикове, который и вырос на Дону и потом уехал в Липецкую область секретарем обкома. Тоже был из тех, что ни себе не дают покоя, ни другим. И Липецкая область при нем уверенно пошла в рост, все увесистее стал ложиться ее хлеб на весы страны. Так и умер Пузиков в надеждах, в смелых планах, вынашиваемых бессонными ночами,— от той болезни, что врачи называют инфарктом, а раньше это называли просто разрывом сердца. Помнится, как раз в те дни можно было прочитать, что инфаркты обычно случаются с теми, кто испытывает страх перед возмездием за прегрешения, совершенные в прошлом. Нет, у людей из того племени, к которому принадлежал и Пузиков, они бывают от переполненности их сердец тревогой, надеждами и любовью...

В Хлевенском районе, Липецкой области, осень выставила у дороги свои дары — ведра с помидорами, арбузы, дыни. Конь-Колодезь называется село — и люди теперь уже все чаще встречаются не с есенинской рожью в волосах, а смуглые. Наконец, за воронежскими степями потянулись и шолоховские. Где-то здесь, справа от дороги, затеряны в степи могилы Давыдова и Нагульнова...

Перед вечером широкой полосой прошел дождь, радуга, зачерпнув одним концом цветного коромысла влагу из ставка за лесополосой, опустила другой свой конец за дальние бугры. Наступающий вечер пахнет пшеничной стерней, молодой озимью. Но все же устойчивей других в степи запах влажной полыни, хотя почти и не осталось ее — только и задержалась на придорожных, непаханых склонах, на курганах, в оврагах.

На подсиненной вечерней зарей черте горизонта — силуэт верхового. Пастух пасет стадо, извернувшись верхом на лошади так, как это может только казак. И опять все то же волнующее слово, но только уже в ином сочетании и значении вспыхивает в лучах автомобильных фар на стреле, устремленной от дороги в сторону: «Краснодон». Как тут снова не вспомнить, что издавна русская литература переплелась с жизнью... Даже со звуком неповторимого голоса нахлынет вдруг воспоминание о том вечере 1943 года, когда заехавший в прифронтовой Ростов по пути в Краснодон Александр Фадеев говорил своим товарищам в затемненном полуподвале редакции газеты «Молот»: «Вот кому памятник надо поставить, партработникам». Вскоре эти слова с новой, звенящей страстью зазвучали и со страниц его «Молодой гвардии». «Нет, правда,— сказал Шульга проникновенным голосом,— как я себя ни ругал, а все-таки нашему брату-райкомщику надо памятник поставить в веках. Я вот все говорил — план, план... А попробуй-ка ты из года в год, из года в год, день за днем, как часы, миллионы гектаров земли вспахать, посеять, убрать хлеб, обмолотить, сдать государству, распределить по трудодням. А мельничный помол, а свекла, а подсолнух, а шерсть, а мясопоставки, а развитие поголовья скота, а ремонт тракторов и всей нашей техники, какой и во всем мире нет, и даже не снилась она им!.. Ведь каждый наш человек хочет хорошо одеться, поесть да еще чайку с сахарком попить. Вот и вертится сердечный наш райкомщик, как белка в колесе, чтобы удовлетворить эту потребность человека».

Как будто сегодня это сказано. Уже далеко назад отошло то время, но все так же неувядаемо племя партработников и все той же исполнено оно страсти: дать счастье людям.

Но вот уже и сам Дон блеснул из-под нависшей над ним правобережной горы, и потянуло от него теми осенними запахами убранной и вспаханной земли, леса, луга и виноградных садов, что стекаются к нему со всей правобережной и левобережной степи и, смешиваясь, стоят над водой. А вот уже мы и с Федором Федоровичем Шаламовым, вчерашним секретарем нашего райкома и нынешним секретарем обкома по сельскому хозяйству, сидим на берегу Дона, и он, после того как исчерпал все вопросы о своем старом друге и о том, что делается на пензенской земле, тоже произносит это слово:

— Специализация. Строим птицефабрики, свиноводческие хозяйства, фабрики по выращиванию и откорму рогатого скота. И здесь, в Усть-Донецком районе, вскоре будет четыре специализированных хозяйства по производству мяса и молока и в дополнение к двум существующим винсовхозам решено создать еще три. Но, внедряя специализацию по зонам, районам, внутри хозяйств, мы в первую очередь надеемся на новое крупное увеличение производства донской пшеницы лучших сортов.

...Снизу, из-под яра, Дон еще дышит теплом, хотя и пришла уже осень.

Конструктор А. С. Яковлев и абсолютный чемпион мира по высшему пилотажу В. Мартемьянов.

Фото В. Федосова.

А. ВИНОКУРОВ

ВЫСОКОЕ НЕБО

...Они летели крыло в крыло, помогая друг другу на всем долгом и трудном пути.

— Толя, вижу море! — сообщил по радио Юрий Кузнецов.

Прошла небольшая пауза, и Анатолий Зайцев ответил:

— Я тоже, осталось до моря километров сорок. Что будешь делать?

— Справа плохие облака? Полетим к Степановке, посмотрим, какая погода над морем, а там решим, — ответил Кузнецов.

Через 25 минут планеристы были уже над Степановкой. Эту деревню, расположенную на берегу Азовского моря, Анатолий Зайцев наметил своей конечной целью, когда стартовал с подмосковного аэродрома. Юрий Кузнецов поставил другую задачу — пролететь на таком же планере с пассажиром на борту как можно дальше. В случае благоприятной погоды он намеревался совершить посадку в Крыму.

Подлетев к морю, планеристы увидели, что метеорологическая обстановка резко ухудшилась. Над водой стояла размытая облачность. Восходящие потоки отсутствовали. Целый час планеристы летали вдоль берега. Зайцев старался помочь своему другу пробиться через Крымский перешеек, но там бушевала гроза, шли ливневые дожди. И вот, не дождавшись милости от природы, Юрий Кузнецов совершил посадку вместе с Анатолием Зайцевым. Московские мастера парящего полета пролетели по прямой свыше 920 километров. Мировой рекорд дальности полета на двухместном планере, установленный известным советским парителем Виктором Ильченко еще 14 лет назад, Кузнецов улучшил почти на 90 километров. Был превышен и мировой рекорд дальности до намеченного пункта более чем на 210 километров.

В этот день многого добились и две планеристки: Изабелла Горохова и Татьяна Павлова. Взлетев с одного аэродрома вместе с ребятами на двухместных планерах, они также достигли побережья Азовского моря и через 9 часов 40 минут непрерывного парящего полета приземлились недалеко от города Ногайска, пройдя по прямой 865 километров. Московские спортсменки на 245 километров улучшили мировые рекорды открытой дальности и дальности в цель, завоеванные киевлянкой Зинаидой Соловей.

Больших успехов достигли и наши летчики-спортсмены. В прошлом году на IV чемпионате мира по высшему пилотажу советская команда вновь подтвердила звание сильнейшей в мире. Советские воздушные акробаты вторично завоевали специальный кубок имени выдающегося русского летчика Петра Нестерова, учрежденный Международной авиационной федерацией. Спортсмены ДОСААФ Галина Корчуганова и Владимир Мартемьянов удостоены звания абсолютных чемпионов мира по высшему пилотажу. Широко известны спортивные достижения летчиц ДОСААФ Натальи Прохановой, Лидии Зайцевой, Евгении Мартовой, Марины Соловьевой, установивших новые мировые рекорды по высоте и скорости полета на сверхзвуковых реактивных самолетах.

Планерный и самолетный спорт культивируется во многих странах мира, поэтому побеждать на международных соревнованиях нелегко. И успех зависит не только от мастерства спортсмена, но и от техники. На прошлогоднем чемпионате мира по высшему пилотажу наш самолет был признан лучшей акробатической машиной. Наши летчики горячо благодарили Генерального конструктора А. С. Яковлева, который более 30 лет работает над созданием и совершенствованием спортивных самолетов. Многое сделал и другой Генеральный конструктор — О. К. Антонов. Вот уже 40 лет парят в небе многочисленные конструкции планеров с маркой «А». Создавая самолет-гигант «АН-22», Олег Константинович не забывает и планеризм. В возглавляемом им конструкторском бюро построен цельнометаллический паритель высокого класса, который по своим качествам не уступает лучшим зарубежным образцам.

Долголетняя приверженность к спортивной авиации у Александра Сергеевича Яковлева и Олега Константиновича Антонова не случайна. Они оба начинали путь в большую авиацию с осоавиахимовских кружков, со строительства авиамоделей, планеров и легких самолетов. Этот путь повторяет и нынешняя молодежь.

Часто приходится слышать такие вопросы: «Трудно ли научиться летать?», «Сколько требуется времени, чтобы овладеть техникой пилотирования на планере и самолете?», «Как вступить в авиаклуб?»

Многолетняя практика показала, что научиться летать может каждый здоровый человек, поэтому в авиаспортклубы принимаются все желающие, начиная с 17-летнего возраста, прошедшие, конечно, специальную медицинскую комиссию.

Сколько же времени занимает обучение?

Первоначальную подготовку можно пройти в течение года, а дальнейшие успехи во многом зависят от индивидуальных качеств того или другого воздушного спортсмена.

Прекрасная школа молодого летчика — планерный спорт. Хороший планерист легко осваивает технику пилотирования моторного аппарата. Многие выдающиеся летчики вышли из планерного спорта. Заслуженные летчики-испытатели Герои Советского Союза Сергей Анохин, Марк Галлай и другие начинали с планеризма.

Сейчас высший пилотаж значительно усложнился, и поэтому к летчикам-спортсменам предъявляются повышенные требования. Без хорошей физической подготовки, достаточных знаний и особого чувства пространственной ориентировки в воздухе не только нельзя добиться высоких спортивных показателей, но и просто успешно выполнять пилотажные комплексы.

Спортсмен должен приучить свой организм переносить 5—6-кратные перегрузки. При выполнении фигур высшего пилотажа возникают большие центробежные силы. В нормальном полете они вдавливают летчика в сиденье (его вес увеличивается до 400—500 килограммов), в перевернутом — вытягивают из него. Стать хорошим планеристом, пожалуй, еще сложнее, чем летчиком. Парящий полет на планере — высокое искусство, которое дает ни с чем не сравнимое наслаждение. Научиться взлетать и садиться на планере можно за одно лето. Но, чтобы летать далеко, нужно упорно тренироваться.

На планере, как известно, нет мотора, а в полете по маршруту пилот пользуется восходящими потоками, которые образуются вследствие неравномерного прогрева земной поверхности. Но беда в том, что эти потоки невидимы, они не имеют цвета, и определить безошибочно, в каком месте планер будет подниматься вверх, а в каком падать, не так-то просто. Правда, нащупать восходящие потоки можно с помощью кучевых облаков, но, к сожалению, они не все «держат». Бывает так, что спортсмену удается набрать высоту под одним облаком, а под другим почему-то начинается снижение. Надо срочно уходить. А куда? Какая мохнатая шапка водяных паров спасет, а какая погубит? Издалека многие облака кажутся одинаковыми, и вот тут планериста и выручает «птичье чутье».

В прошлом году на международных соревнованиях в Орле разыгрывался скоростной полет по 500-километровому треугольному маршруту. Это — одно из самых сложных упражнений в состязаниях планеристов. Старт взяли 50 планеров, но многие спортсмены, допустив ошибки, были вынуждены сесть, не пройдя и двух третей маршрута. Лишь группа из 15 наиболее опытных воздушных мастеров преодолела все преграды, вышла на последнюю прямую и направилась к финишу. В 80 километрах от аэродрома на линии полета небо было чистым, и только далеко вправо и влево виднелись затухающие облака. Лишь они могли помочь планеристам завершить полет. Но к какому из этих спасительных маяков направиться? Большинство планеристов решило лететь влево, а чемпион мира поляк Ян Врублевский повернул вправо. И ему, единственному участнику этих труднейших соревнований, удалось достичь финиша.

Да, со многими неизвестными приходится иметь дело планеристу. Когда Изабелла Горохова и Татьяна Павлова летели к Азовскому морю и прошли уже Харьков, на их пути оказался огромный лесной массив. Над ним гряды кучевых облаков, тянувшиеся почти беспрерывно сотни километров, вдруг оборвались. Что же делать? Садиться, не достигнув цели, или с большим риском лететь над лесом? А вдруг нисходящие потоки окажутся настолько велики, что приземляться придется на макушки деревьев?

Надо было проявить большое мужество, чтобы лететь десятки километров, не видя под собой ни одной посадочной площадки. И девушки рискнули. Но этот риск был подкреплен опытом, знаниями, особой интуицией, которая выработалась у них за годы тренировок. Татьяна Павлова летает восьмой год, а Изабелла Горохова — уже двенадцатый.

Планерный спорт отличается от всех других видов спорта еще и тем, что для достижения рекордных результатов иногда приходится ждать соответствующей погоды многие годы. Не случайно рекорд Виктора Ильченко, державшийся с 1953 года, никто не мог побить, хотя в попытках недостатка не было. Терпение — на земле, мастерство и выносливость — в воздухе, без этого успеха не добьешься. Просидеть, не вставая, 8—10 часов у себя дома — занятие очень утомительное. А в планере, находясь в непрерывном напряжении, тем более. Для восстановления высоты планерист выполняет многие сотни спиралей, а при длительном полете и тысячи. Слабый, нетренированный организм такой продолжительной нагрузки не выдерживает.

У читателя может возникнуть вопрос: в полетах много трудностей, а где же романтика? Романтика в преодолении этих трудностей, в споре с природой, в познании ее секретов. В полете планерист сливается со своей машиной в одно целое. Крылья планера — его крылья, и, когда они несут спортсмена вверх, он ликует, испытывает восторг, который трудно описать. Но бывает и иначе. Где-то на пути воздушные потоки вдруг ослабевают или исчезают совсем, и планер начинает быстро терять высоту. Сколько сил потребуется тогда спортсмену, чтобы «выпарить», сохранить безопасную высоту, продолжать полет.

В победе над воздушной стихией — романтика планеризма.

Какую выбрать прическу?

А пожалуй, лучше мне не стричься.

Прощай, косы!

Папа-консультант.

В часы занятий.

Фото Г. МАКАРОВА.

Тревога!

Смотрим в зенит.

Ракета должна быть готова к бою в любой обстановке.

Дивизионные силуэты.

В любое время из любой точки может уйти к цели ракета.

Осень, осень! Птица золотая!
Ты опять очаровала нас.
Тихие березы облетают,
Только клен багряный не погас.
Просеки коврами обряжая,
Шелестит и рдеет листопад.
На гумне о новом урожае
Молотилки дружно говорят.

В этом звоне, шелесте, круженье,
В этом плавном рокоте работ
Ощущаю вечное движенье,
Времени необоримый ход.
Отшумело лето колосками,
В поймах отцвело... Не потому ль,
Рея журавлиными крылами,
К югу устремляется июль?

●

Окончится день, и возникнут опять
Виденья полночной поры.
И взором захочется небо объять,
Где дальние блещут миры.

О, как разгадать нам их вечный
маршрут!
Они за орбитой Земли
По синему руслу привольно
плывут,
Как трепетные корабли.
Движения нить прострочила зенит
Пунктиром живого огня.
А вдруг это чье-нибудь сердце
горит,
Такое же, как у меня?
Мечтая, сидит над набросками
схем
Одной из планет гражданин,
Над тайнами сложных, как мы,
теорем
И над чертежами машин.

Прими же земной негасимый
привет,
Кружась по орбите своей,
Незримый коллега, далекий поэт
Нехоженых Млечных Путей.

Я, житель Земли, молодой
астроном,
С тобою беседу веду,
А ветер тревожит цветы за окном,
И речку, и ветви в саду.
Мой друг, обитатель сказаний
и снов,
Ведь мы же с тобою — родня!
По жилам твоим беспокойная
кровь
Проносится, как у меня.

Сотрем рубежи в нашей общей
судьбе,
Загадку решим, а затем
Я, если решусь, прочитаю тебе
Отрывки из новых поэм.

Тогда к населенью сверхдальних
планет,
Согретых уютом жилья,
Привет донесется быстрее, чем
свет:
«Внимание!
Говорит
Земля!»

СИБИРЬ

Люблю тебя, всю в кедрах и
сугробах,
Люблю твою звенящую тайгу,
Хрустящий наст, и волчий след
в чащобах,
И луч зари морозной на снегу.

...Отцы в цепях и робах
арестантских
Шли по этапу в давние года,
Колодники, сквозь вьюжное
пространство
Гонимые, торили путь сюда.

И тем же трактом, медленным
и гулким,
С кнутом ременным за конягой
вслед,
Шел, проклиная деньги и чугунку,
Искать земли переселенец-дед.
Тайгу валил, палил корчевье
рьяно
И на порубке сеял по весне.
Японцами за сына-партизана
Он был повешен на сухой сосне...

Вот почему тебя зову отчизной,
Моя Сибирь, и повторяю вновь:
Меня с тобой еще в начале жизни
Навек сроднила дедовская кровь.
Ты жди, я обязательно приеду.
Благоговейно в снег войдет нога
Там, где впервые ветры пели деду,
Где путь его оплакала тайга.

Перевод Якова Хелемского.

ШЕРШНИ

Мы с тобой по желуди сюда
Приходили в древние года,
И твое приданое — не скуп —
Насыпал в две сумки старый дуб.
Под большим дуплом до темноты
Был хозяин я,
Хозяйка ты.
Теплились закаты
В небесах,
Шершни-музыканты
На басах
Пели песни нам в дубовой чаще,
Чай дымился в желудевой чашке,
И ломились полные столы.
...Эти чашки нам теперь малы,
А дупло большое — тесный дом,
Темный он,
Не светит он огнем.
Чашки мы упрятали в траву,
Чтобы не достались никому,
Пепел разметали по земле.
Кто теперь в том доме, в том
дупле?
Может, шершни свили там гнездо
И гудят, гудят? Я знаю кто.
То моя тоска гудит несносно.
И летит.
(Заходит солнце в сосны.)

Ей несносно помнить эти встречи.
...По полям стада бредут под
вечер.
А тоска гудит, летит во тьму.
Хлещет ей в глаза трава косая.
Сердится тоска,
Коров кусает,
И они, как я, томятся:
— Му...

ДРУЖБА

Сажнем, лентою мерим
Полевые места.
Так хочу землемером
В скором времени стать.

Всей округе известно
Из погудок одних:
Ты как будто невеста,
Я ж как будто жених.

Мы проходим — и снова
Отголоски пошли...
Свежих вешек сосновых
Нам с тобой навезли.

Мы огонь раздували,
Обжигали мы их,
Чтобы вечно стояли
На буграх межевых.

Вот отбита межа вся,
След за нами пролег,
Вот тебе я признался,
Не признаться не мог.

Ты вздохнула глубоко,
Ты махнула рукой,
Ты сказала:
— Далеко
Миленочек мой.

Значит, век не забыть нам
Этих знаков ряды,
Те столбы в спелом жите —
Дружбы нашей следы.

Перевод Н. Кислика.

удивительный случай и стал думать...— Назаров замолчал, потом, чуть сконфузясь, заметил: — Тут я вместе с оператором и режиссером Евгением Легатом сделал фильм «Когда я пришел на эту землю». О Луковицком рассказ идет в том фильме. Теперь мы многие баржи по его методу разгружаем. Резко сократились простои судов.

...«Ракета» пролетела мимо прославленных Столбов — нет другого места на земном шаре, где бы природа так причудливо творила каменные чудеса. Чарующий заповедный край, привлекающий туристов, геологов, натуралистов и, пожалуй, больше всего — скалолазов-беркутов. Сильные и ловкие парни, они надевают ставшие традиционными необычайной ширины и расцветки шаровары (под стать фантастическим шароварам гоголевских запорожцев), подпоясываются красными или синими кушаками, которые используют потом при подъеме на скалы. На головах у них пестрые тирольские шапочки с зеленым пером или с алой лентой. На ногах — сыромятные плоские чувяки с загнутыми острыми носами. Многоцветный этот наряд не просто забава; такой костюм легче заметить среди тайги, в скалах и, если случится беда — а она нет-нет да и приходит в Столбы,— можно сразу отыскать сорвавшегося с крутизны смельчака... Стать беркутом — это, кажется, мечта всех красноярских мальчишек. Среди здешних заправских скалолазов встретишь и молодых рабочих, и студентов, и школьников. Дух захватывает, когда наблюдаешь за ними, как они с разбегу словно влетают в расселину меж скал, упираясь в камни попеременно то спиной, то ногами...

Тринадцать лет назад Столбы посещали преимущественно местные скалолазы-беркуты. Теперь сюда приезжают москвичи и ленинградцы, киевляне и минчане и даже сыны Армении — а ведь гор там хоть отбавляй. Оказывается, Столбы неповторимы. Гостеприимные сибиряки проложили тут дорогу, построили на пути туристические базы, организовали экскурсионную службу. Добро, мол, пожаловать — все к вашим услугам!

...Но вернемся на Енисей, в рубку «Ракеты», где Назаров продолжает свой рассказ:

— Ты спрашиваешь, что нового на Енисее? Новый флот! Ты спрашиваешь, что нового на флоте? Новый человек. Тринадцать лет назад у нас не было ни одного инженера в плавании, а теперь — сотни. За последние пять лет мы уменьшили командный состав на три тысячи человек: взамен пришли автоматика, централизованное управление, новейшая техника судовождения. В то же время объем перевозок за эти годы увеличился в четыре раза. А как возросли скорости! Прежде пароход «Мария Ульянова» шел до Игарки и тем более до Дудинки чуть ли не месяц. Теперь трехдечные красавцы дизель-электроходы и теплоходы покрывают расстояние до Дудинки за четверо суток.

...«Ракета» влетает под ажурные фермы моста Транссибирской магистрали. Он, словно стальной чертой, отделяет горный хребет от солнечной Красноярской долины. Теперь я вижу не только старый железнодорожный мост, но и большой красивый городской, сомкнувший берега Енисея. А за ним, на острове, лежит гигантская бетонная чаша стадиона — новинка Красноярска.

Сколько их, таких новинок, в этом большом сибирском городе!

Иван Михайлович Назаров и Андрей Ефимович Бочкин.

Повесть о любви

Джеймс ОЛДРИДЖ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

В то время я еще не знал, из-за чего у Тома вышла ссора с Пегги, но когда опять наступила суббота, мне стало ясно, что у него что-то есть на уме. Еще затемно он с ружьем ушел на Биллабонг и вернулся только к обеду, неся шесть штук зайцев и четыре здоровенные муррейские трески. Зайцев он тут же освежевал, а рыбу снес в «Саншайн» и продал за восемь шиллингов с половиной. Том удачней всего охотился тогда, когда обдумывал какой-нибудь сложный вопрос. Должно быть, сосредоточенность мысли обостряла его внимание.

Уже под вечер он вдруг спросил меня (тут я и заподозрил что-то неладное):

— Ты сегодня идешь на Данлэп-стрит?

— Нет,— сказал я.— У меня с Грейс свидание в кафе «Пентагон».

— Значит, идешь все-таки,— нетерпеливо сказал Том.— Так вот что: если увидишь Пегги, шепни ей, что я ее буду ждать сегодня в обычный час на обычном месте.

— Ладно,— согласился я, в то же время недоумевая, зачем понадобилось это специальное предупреждение.

Пегги я встретил сразу, как только вышел на Данлэп-стрит; она прогуливалась под руру со своей красавицей матерью.

— Здравствуй, Кит,— звонко сказала миссис Макгиббон, и я отдал должное ее такту. Она как бы подчеркивала, что никакие ее счеты с моим отцом не могли иметь ко мне отношения; сомневаюсь, правда, сохранила ли бы она подобное беспристрастие, если бы проведала о делах своей дочки с нашим Томом.

Я понимал, что Грейс уже дожидается меня в кафе, но тем не менее изловчился, проходя, многозначительно подмигнуть Пегги левым глазом. Через минуту она нагнала меня, уже одна, и спросила вполголоса:

— Что случилось?

— Том будет в обычное время на обычном месте,— торопливо пробубнил я.

— Он разве не у Ганса Драйзера?

— Не знаю,— сказал я, хоть в глубине души не сомневался, что он именно там.

Пегги пошла в здание почты, очень скоро оттуда вышла и вернулась к ожидавшей ее матери, а я направился в кафе, к Грейс и мороженому с фруктами. Грейс встретила меня подозрительным взглядом.

— Ты что, заходил в пивную?— спросила она.

— В пивную?

— Да. Я видела, как ты прошел в ту сторону.

— Мне нужно было на почту,— соврал я, умолчав о встрече с Пегги. Пегги была всего на два года моложе Грейс и вполне достойна моего внимания, поэтому я счел за благо вовсе не припутывать ее к разговору.

— А ты почему вообще не ходишь в пивные?— спросила Грейс.

Вопрос был с подковыркой, и я это знал.

— Не люблю свиного пойла,— ответил я. Дело в том, что мы с Томом пользовались лестно-нелестной славой заядлых противников пивных. Австралийцам дружба не в дружбу, если не заливать ее пивом, а у нас к нему не было вкуса, и кое-кто даже считал из-за этого, что мы задаемся. И вот что забавно: дома у нас часто пили за ужином дешевое, но отличного качества австралийское вино — сам отец не считал за грех купить бутылку при случае,— а большинство австралийских пиволюбов вина не признает и даже находит его чрезмерно возбуждающим и дурным напитком.

Грейс просто поддразнивала меня: мы с ней постоянно держались полушутливого тона, чтобы ненароком не впасть в чересчур серьезный.

Поздно вечером, уже ложась спать, я спросил Тома, видел ли он Пегги.

— Нет, она не пришла,— коротко ответил он.

Не пришла она и в следующий, воскресный вечер, не пришла ни в понедельник, ни во вторник. Но в среду они опять встретились на тропинке, ведущей к реке,— достаточно было взглянуть на Тома, чтобы об этом догадаться. Я к тому времени уже понял, что ссора произошла у них из-за старого Драйзера, и мне любопытно было, как и на чем они помирились.

Я теперь знаю от Пегги, что примирение им далось нелегко. Она ни за что не хотела уступить Тому, а Том ей просто не мог уступить, потому что для него речь шла тут о чем-то, что больше жизни. Ганс Драйзер распахнул перед ним окна и двери, за которыми расстилался удивительный, новый мир. А религия была злейшим врагом тех идей, что открывали в этот мир дорогу.

Пегги последнее время очень усердно занималась танцами. Дело в том, что у нее возник план сделаться учительницей танцев; тогда, казалось ей, отцу уже не придет в голову отправить ее в Каслмэйнский монастырь для пострижения в монахини. Занималась Пегги страстно, с душой, а так как до конкурса осталось меньше недели, она каждый день репетировала с миссис Крэйг Кэмбл свое выступление. Когда она первый раз явилась на репетицию после ссоры с Томом, миссис Кэмбл сразу заметила, что с ее ученицей что-то неладно. Она знала по опыту: не только легкость в ногах, но и душевный покой нужен для того, чтобы с безукоризненной точностью выполнять все сложные фигуры шотландских народных танцев.

— Что с тобой сегодня? — спросила миссис Кэмбл.— Ты нездорова?

— Нет,— сказала Пегги.

— Может быть, у тебя неприятности? Или влюбилась? Я ведь вижу, что ты не в себе.

Пегги на все расспросы упорно мотала головой, но сама она понимала, что о победе на конкурсе нечего и думать, если она не решит, как ей примирить свою любовь к Тому с влиянием на него этого безбожника Ганса Драйзера.

Задача была сложная, но, надо сказать, женщины, особенно молодые, всегда показывали себя отличными стратегами во взаимоотношениях с небесным отцом, хотя тактические ошибки они допускают чаще мужчин. У них есть своя система заключения частных сделок с господом богом, никакой религией не предусмотренных; и молоденькие католички — особенные мастерицы по части всяких подходов и обходов в этих делах.

И вот Пегги заключила такую частную сделку, которая помогла ей выйти из положения. Она поклялась на своем молитвеннике, что сохранит невинность, не даст Тому даже дотронуться до ее золотого тела там, где это не дозволено правилами и приличиями, но за это бог должен разрешить ей встречаться с Томом, даже если он не откажется от знакомства со старым Гансом Драйзером. По рукам? По рукам. Что ж, мена справедливая: ее целомудрие за господню снисходительность. И в конце концов ведь не сам же Том — приспешник сатаны, он честный и добронравный юноша, так что, в сущности, она даже не нарушает первую заповедь.

В среду утром сделка была заключена, а в среду вечером Пегги снова пришла на тропинку у реки, где верный Том четыре вечера ждал ее понапрасну.

— Я больше не буду с тобой спорить, не буду тебя ни в чем убеждать,— сказала Пегги, выставив вперед руки, чтобы не подпускать его, пока не будут изложены все условия перемирия.— Но ты не должен даже упоминать при мне имени этого человека. И не должен говорить о религии и не должен произносить таких ужасных слов, как в тот вечер. Обещаешь?

— Обещаю,— смиренно вымолвил Том.

— Смотри же... — сказала Пегги.

Но дальнейшая дискуссия не получилась, потому что в следующую секунду он уже держал ее в объятиях и целовал в губы, в глаза, в уши. Ведь прошли годы, века страданий, злые силы угрожали их любви, жизнь едва-едва не оборвалась...

Но теперь все это уже было позади, и Пегги знала: во вторник она будет танцевать лучше всех.

Доволен был и Том. Ведь он не уступил? Не уступил. Но почему-то, приходя, как обычно, к старому Драйзеру, он теперь не мог отделаться от гнетущего чувства вины. То-то, наверно, смеялся католический бог, с которым Пегги заключила свою частную сделку: выходит ведь, в выигрыше-то остался он. Правда, заработанное на Томе он очень скоро потерял на Локки.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Когда Дормен Уокер вручил Локки письмо с отказом от выплаты ему страховой премии, Локки даже и бровью не повел. Во всяком случае, только неделей спустя обнаружилось, каким ударом явился для него этот отказ. А на ближайшее воскресенье у него был заготовлен аттракцион, который даже моего отца заставил изменить свои представления о границах допустимого в нашем городе с точки зрения нравственности и закона (хоть Локки в прошлом случалось откалывать номера и похлестче).

Почти каждое воскресенье Локки устраивал азартные игры за городским мостом, на другом берегу Муррея, входившем уже в

Продолжение. См. «Огонек» №№ 43, 44, 46.

состав штата Новый Южный Уэльс. В Австралии власти отдельных штатов очень ревниво блюдут свою автономию; в каждом штате свои законы, своя полиция, не имеющая права действовать на «чужой» территории. Наши сент-хэленские полицейские, принадлежащие к полиции штата Виктория, перейдя мост, формально становились рядовыми гражданами, а так как ближайший город и ближайшее полицейское управление Нового Южного Уэльса находились за несколько сот миль, любители азартных игр и спиртных напитков могли беспрепятственно нарушать закон буквально на глазах у сент-хэленской полиции во главе с сержантом Джо Коллинзом — для этого довольно было перейти через мост. На той стороне имелось даже особое питейное заведение — ресторан «Лайтфут», где в любое время дня и ночи и даже по воскресеньям можно было вопреки всем существующим запретам получить спиртное.

Примерно раз в год отряд ново-южноуэльской полиции предпринимал вылазку за двести миль к сент-хэленскому мосту, и для кого-нибудь это обычно кончалось штрафом — только не для Локки. Локки уже случалось по воскресеньям устраивать за мостом и футбольные матчи и собачьи бега, но на этот раз, на закуску после очередной игры в ту-ап — австралийскую орлянку, он приберег особое развлечение, которое должно было принести ему немалый барыш.

В субботу, поздно вечером, Локки объявил по местному радио, что завтра утром Доби-Ныряла продемонстрирует свой знаменитый прыжок в реку с высоты девяноста пяти футов — с башни разводного моста. Объявление не носило характера рекламы; просто добрый горожанин извещал других граждан о предстоящем интересном событии. Но все, кто слышал радио (а слышал почти весь город), хорошо знали, что за событие, о котором извещает Локки, придется платить. А событие обещало быть вдвойне интересным и даже волнующим, потому что у Доби была сломана рука и он до сих пор не снял гипсовой повязки.

— Не разрешит ему полиция прыгать,— сказал Том.— Завтра же воскресенье.

— От середины мост уже находится в Новом Южном Уэльсе,— возразил я.

— А зрители-то будут с нашей стороны,— не соглашался Том.

Но Локки был стреляный воробей. Он отлично знал, что полгорода теперь только тем и занято, что гадает, как ему удастся выкрутиться из затруднения. Никто из нас в этот день в церковь не пошел: Том вообще перестал туда ходить, мне же служили оправданием мои репортерские обязанности. А все набожные католики успели уже побывать у ранней обедни, в том числе и Локки с семейством. Нельзя было не залюбоваться на это семейство, когда оно чинно шествовало в церковь.

Когда мы с Томом подошли к мосту, там уже собралась большая толпа. Способ, придуманный Локки, чтобы обойти закон, был хитроумен и прост. На мосту стояли четыре деревянные башни, где помещались механизмы, разводившие средний мостовой пролет, если требовалось пропустить большое судно. Одна из этих башен была видна только с уэльского берега — с этой-то башни и должен был прыгать Доби. Хотите увидеть что-нибудь — переправляйтесь на другой берег и платите за вход на узкое пространство, которое Локки предусмотрительно и совершенно противозаконно заранее огородил веревками.

Я, как репортер, прошел бесплатно, а Том уплатил шиллинг Финну Маккуилу, стоявшему у входа, и мы, усевшись на глинистом берегу, приготовились наблюдать, как Доби с загипсованной рукой будет карабкаться по железной лесенке, ведшей на крышу башни.

— Леди и джентльмены, попрошу внимания!

Стоя у подножия башни с мегафоном в руке, Локки объяснял и комментировал происходящее. Сейчас Доби-Ныряла поднимается на самый верх башни — видите, он уже на середине лестницы. Там он встанет на верхний диск барабана, на который наматывается трос при разведении моста. И оттуда будет совершен неповторимый прыжок, поистине являющийся вызовом смерти,— ведь расстояние до поверхности воды составляет девяносто пять футов, а глубина Муррея — двенадцать футов.

— Но ведь у него рука сломана! — крикнул я.

Все видели грязно-белый футляр, в который заключена была правая рука Доби, и все видели, что, взбираясь по лестнице, он одной только левой перехватывает железные ступеньки.

— А зачем вообще вся эта затея? Просто глупо,— сказала, повернувшись к нам, Эстелла Смит. Эстелла была долговязая девятнадцатилетняя девица с мальчишескими ухватками, за которыми уже угадывалось невеселое будущее пожилой лесбиянки.

— Доби нужны деньги,— коротко ответил Том.

Он был прав. На подсохшей в лучах утреннего солнца глине сидело человек двести. Значит, Локки собрал уже около десяти фунтов. Пусть даже он даст Доби только десять процентов — что ж, совсем недурно заработать фунт стерлингов за одно утро.

— Леди и джентльмены! — крикнул Локки.— Прошу прекратить разговоры.

Мы притихли.

— Прошу обратить внимание на вон те провода высокого напряжения. Требуется особое искусство, чтобы не задеть их во время прыжка.

Слова «высокое напряжение» заставили всех вспомнить Спайка Ренсимена. Месяцев десять назад Спайк решил выступить соперником Доби, но уже в воздухе его вдруг охватил панический страх, он судорожно ухватился за провод и мгновенно был убит током. Доби полез и снял его тело после того, как отключили ток. Нам всем стало не по себе при мысли об этих проводах, представлявших смертельную опасность для всякого, в том числе и для Доби, если бы он вдруг испугался и потерял власть над собой.

— Тихо! — гаркнул Локки.

Разговоры смолкли. Доби уже стоял наверху и приподнимал то одну, то другую ногу, словно сушил их в воздухе или же искал лучшую точку опоры. Видно было, что он волнуется. Вниз он не смотрел. Смотрел только прямо перед собой. Он медлил и медлил, и кто-то наконец закричал ему с берега: «Давай, Доби, не тяни!» Но Локки тут же свирепо рявкнул на несдержанного болельщика.

Доби отвел руки назад до уровня плеч, еще пошарил ногами, откинул голову и разом сорвался вниз, слегка изогнувшись, раскинув руки, как крылья.

Раздались женские крики, многие подумали, что он сорвался нечаянно, но мы-то хорошо знали этот его прием, благодаря которому он не рисковал перекувырнуться в воздухе. Он летел полусогнутый, так что ноги свисали ниже головы, но в последний миг, когда уже казалось, что он рухнет в воду бесформенной грудой, точно мертвая птица, он вдруг выпрямился, вскинул ноги вверх, вытянул руки над головой и врезался в воду с громким плеском, вместе с ним ушедшим в глубину.

И почти тотчас же его голова опять показалась на поверхности, словно он вовсе и не нырял.

С облегчением переведя дух, мы все радостно загалдели.

— Молодчина, Доби! — восхищенно сказал Том.— Ну и молодчинища!

Все были довольны. Доби от смущения даже не помахал публике рукой; он перевернулся на спину и, работая одними ногами, поплыл к берегу. Локки что-то кричал, но среди общего шума и крика его не было слышно.

— Омерзительное зрелище,— сердито сказала Эстелла Смит.— Хорошо еще, что он не сломал и другую руку.

— А может, и сломал,— оборвал ее Том.

Признаться, мне самому теперь уже претила эта затея, и я не видел в ней ничего, кроме публичного бравирования физической опасностью, спекулятивной игры на нездоровом любопытстве толпы. Но для Тома тут был прежде всего подвиг мужества, и он искренне восхищался, даже гордился своим приятелем. Всю дорогу домой мы с ним яростно спорили.

— Если разум не властен заставить тело преодолеть нежелание или страх,— говорил Том,— на что тогда человеку разум?

— А самоконтроль где? — спрашивал я.— Ведь разум может потребовать чего-то глупого и ненужного.

— Нужно знать себя, вот тебе и самоконтроль,— убежденно возражал Том.— А Доби себя знает.

И Том продолжал восторгаться Доби, его незаурядной внутренней силой, дисциплиной его сознания, так что я в конце концов даже испугался: не вздумал бы он и сам повторить этот подвиг. Но тревоги мои были напрасны: жизнь готовила Тому такие испытания, что ему не понадобилось прыгать с городского моста, чтобы проявить и мужество и внутреннюю силу.

За обедом мы рассказали домашним о новом воскресном аттракционе Локки. Отец, глубоко возмущенный, сказал:

— Этот человек так открыто плюет на законы, будто они для него и в самом деле не существуют. Он всех нас делает посмешищем.— И добавил, обращаясь в пространство: — Неужели в этой стране нет больше никаких общественных устоев?

— Никаких! — ответил Том.— Только ты почему-то не хочешь признавать это...

Но спору не суждено было разгореться: внезапный порыв ураганного ветра сотряс наш деревянный дом, едва не сорвав его с хлипкого фундамента. Палящий, душный зной уже с утра предвещал пыльную бурю. Когда мы с Томом возвращались домой, на северо-востоке, над Дарлинг-Даунз, собирались густые, темные тучи, и вот теперь пыльный вал обрушился на город. Мы все повскакали с мест, забегали, засуетились, торопясь закрыть окна, запереть двери, а там уже крутился сухой, черный, слепящий вихрь сорванного земного покрова, накрывая тьмой дом, улицу и нас всех.

Я знал: буря будет свирепствовать несколько дней, а потом начнутся дожди; я это знал, и никогда мое желание вырваться, уехать отсюда не было так сильно, как в эти дни, когда все кругом: река, равнина, буш, священные дали пшеничных полей и живые люди,— все утонуло в непроницаемом пыльном тумане. Тюрьма, отупляющая, глушащая все человеческое,— вот чем, в сущности, был для нас Сент-Хэлен, был всегда, просто в такие дни это ощущалось с особенной остротой, и я дал себе слово, что не останусь здесь больше года, даже если придется уйти пешком с котомкой за плечами.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Неделю спустя фасад авантюристического благополучия Локки Макгиббона дал первую трещину — Локки продал свою машину, свой серебристый «мармон». Эта машина всегда была предметом нашего общего восхищения — дорогая, эффектная, самая быстроходная из всех машин в городе, она удивительно подходила к характеру вла-

дельца. Жилось Локки по-всякому, бывали периоды, когда семья едва сводила концы с концами, но ни разу еще дело не доходило до продажи машины. Серебристый «мармон» появился у Локки четыре года тому назад, откуда и как, никому не было известно. Скорей всего машина была приобретена легальным путем, иначе он бы не мог на ней ездить, но все же у каждого сентхэленца имелась своя версия на этот счет. По одной из них, особенно популярной, кто-то из дружков Локки украл машину в Квинсленде и за бесценок уступил ее Локки.

Трудно было даже представить себе Локки без «мармона» или «мармон» без Локки. Купил машину владелец велосипедной мастерской в Сент-Хэлен.

На следующий вечер Дормен Уокер явился к нам с письмом, которое он получил от конкурента отца, тоже адвоката-юрисконсульта по фамилии Страпп. В письме этот Страпп суконным, канцелярским языком уведомлял Дормена Уокера, что Локки Макгиббон возбуждает против него дело по обвинению в уклонении от выполнения обязательств, вытекающих из страхового контракта. Страпп уже несколько раз обращался к Дормену Уокеру с официальными требованиями уплатить Локки страховую премию, но по совету отца Дормен Уокер оставлял эти требования без ответа.

Отец даже расхохотался, когда Дормен Уокер показал ему письмо.

— Страпп просто с ума сошел,— сказал он.

— Но...— начал было Дормен Уокер.

— Типичный австралийский блеф,— продолжал отец.

— Но он же понимает, наверно, что ему не на что рассчитывать,— с беспокойством сказал Дормен Уокер, который сам вовсе не был в этом уверен и жаждал получить подтверждение.

— Попадут из огня да в судейское полымя,— пошутил отец.

— Вы в этом уверены?

— Кодекс законов, Уокер, недоступен коррупции, даже если за дело возьмется Локки Макгиббон. А впрочем, в этой стране все возможно.— Отец возвел глаза к небу, как бы призывая высшего судию обратить внимание на такую возможность.

— Зачем же он тогда это затеял? — жалким голосом спросил Дормен Уокер.

— Спрашивайте Макгиббона,— сказал отец.— Меня спрашивать нечего.

— Но ведь вы сами говорили мне, чтобы я не отвечал на письма Страппа.

— А вы что, хотите заплатить Макгиббону? — рассердился отец.— Тогда платите, и все.

— Вовсе я этого не хочу. Но что же мне теперь, по-вашему, делать?

— Прежде всего посоветуйтесь со своим начальством,— сказал отец.— А затем, если вы пожелаете, чтобы я вас защищал на суде, я запрошу Страппа, когда предполагается назначить дело к слушанию.

Дормен Уокер заерзал на стуле:

— Отправлю я все документы в Бендиго. Пусть компания сама разбирается с этим Макгиббоном.

Отец постучал пальцем по лежавшему перед ним письму.

— Но Макгиббон подает в суд не на компанию, он подает на вас как на уполномоченного компании. Это не одно и то же.

— А он может это сделать? — спросил перепуганный Уокер.

— Он это уже сделал,— сказал отец.

— Но ведь должна же компания нести ответственность.— Дормен Уокер с его сморщенным личиком и словно бы тоже сморщенным голосом похож был в эту минуту на мышь, угодившую в мышеловку в одном из его амбаров.

— Оттого-то я и сказал вам: прежде всего посоветуйтесь с компанией. Возможно, они предпочтут, чтоб вы взяли другого адвоката. Но иск предъявлен к вам, а не к ним.

— Да как же так,— заныл Дормен Уокер, поднимаясь.— Ведь это несправедливо, это просто несправедливо...

— Справедливо это или нет, в данном случае роли не играет,— возразил отец.— Это его право, и он этим правом пользуется. Хоть, в общем, это, конечно, дерзость.

— Это очень несправедливо. Все ведь знают, что Локки Макгиббон сам поджег свой дом,— уныло пробубнил Дормен Уокер и с тем исчез.

Но если Дормена Уокера новость привела в уныние, то наш отец, напротив, чрезвычайно оживился и даже обрадовался. Как и Том, он любил иметь дело с противником в открытом бою, и вот наконец ему представился случай надеть боевые доспехи.

— С чего это Локки вздумалось лезть на рожон? — сказал Том.— Ведь ничего же у него не выйдет.

— Это, конечно, Страпп придумал,— сказал отец.— Но Макгиббон тоже не так глуп. Он верно рассчитал, что уж если суда не миновать, то ему при всех условиях выгоднее быть истцом. Если бы я вовремя передал все наши материалы прокурору штата, Макгиббон предстал бы перед судом в качестве обвиняемого. А так он надеется опередить возможное обвинение.

— Надежда слабая,— сказал я.— А сейчас ты уже не мог бы передать материалы в прокуратуру?

— Мог бы, но не хочу. У юристов считается дурным тоном предъявлять обвинение задним числом. Страппу это хорошо известно. Видимо, Страпп решил, что как защитник я теперь связан в своих действиях.— Отец усмехнулся довольной усмешкой человека, дорвавшегося наконец до возможности свести давние счеты.— Но это мы еще посмотрим.

— А почему он подает на Уокера, а не на компанию? — спросил Том.

— Тягаться с Австралазийской страховой компанией в городском суде Бендиго ему не по силам, и он это понимает,— объяснил отец.— Но он не прочь потягаться с такой мелкой сошкой, как Дормен Уокер, на сессии окружного суда, в городке, где все у него друзья-приятели. Страпп будет

добиваться присяжных, но этого я не допущу.

Я уже знал, что Локки претендует на сумму в пятьсот фунтов — максимальную для компетенции окружного суда. Будь сумма больше, дело подлежало бы разбору в более высокой инстанции и ушло бы из Сент-Хэлен.

— Том,— распорядился отец,— завтра просмотришь Свод отчетов Верховного суда штата Виктория за 1934 год — в декабре, если не ошибаюсь, разбиралась апелляция некоего Филлипса по Мильдурскому делу...

Так отец произвел свой первый выстрел в юридической битве, которой суждено было войти в историю нашего города в качестве выдающегося, но отчасти и прискорбного события. По ходатайству Дж. Б. Страппа дело было назначено к слушанию во время февральской сессии суда. Таким образом, у сторон оставалось достаточно времени, чтобы хорошо подготовиться к нему. А у Тома и Пегги — чтобы допустить еще не одну неосторожность.

Джинни узнала обо всем от одной из своих одноклассниц и, придя домой, тут же накинулась на Тома.

— Безобразие! Не нашлось для тебя девушек в городе, кроме Пегги Макгиббон?

— Тебя это не касается,— отрезал Том.

— Нет, касается...

— Заткнись сейчас же! — рассвирепел Том.

— Отец убьет тебя, если узнает.

— Меня не так легко убить,— сказал Том.— А что, собственно, ты нашла плохого в Пегги?

— Ничего.— Розовое лицо Джинни стало кирпично-красным от волнения.— Но тебе она не пара. Нельзя быть таким эгоистом. Ты забыл, как Локки оскорбил отца на карнавале в пользу больницы? А теперь будет суд, и там они сцепятся не на жизнь, а на смерть. Надо и об отце подумать. Из-за тебя ему будет во сто раз труднее.

Тому, видно, такой поворот не приходил в голову, да и мне, признаться, тоже; но сейчас мы оба почувствовали, что Джинни права. Лицо Тома все показывало с ясностью волшебного фонаря: слова Джин разбередили его совесть, и теперь в нем шла тревожная работа мысли. Неужели любовь может быть так эгоистична? Да, может, сомневаться не приходилось.

— Мальчишеское безрассудство,— сказала Джинни, словно она прочитала на этом лице то же, что и я.

На беду, наш семейный совет под старым орехом был прерван появлением матери.

— Что за крик вы тут подняли? — спросила она.— У соседей слышно.

В нашей семье не умели препираться тихо, и случалось, в пылу ссоры все кричали одновременно, не слушая друг друга. Вероятно, со стороны эти семейные распри казались серьезнее, чем были в действительности, правда, дело подчас доходило до настоящих обид. Но существовало неписаное правило: даже самая жестокая ссора не длилась больше одного дня. Древнее библейское «Мне отмщение, и аз воздам» не было у нас в почете.

— А плевать на соседей! — заявила Джин.

— Джинни! Если бы отец услышал, как ты выражаешься...

Но Джин была в таком запале, что я испугался, как бы она тут же не выложила матери все, что узнала про Тома и Пегги. Том из гордости не станет ее останавливать, в этом я был уверен и потому поспешил вмешаться сам.

— Понимаешь, мама, Джинни тут взялась рассуждать насчет того, какая девушка нужна Тому. И пока что не нашлось подходящей.

— Не болтай глупостей,— сказала мне мать.

Ничего неестественного не было в предположении, что у Тома может завестись девушка, но мать никак не могла приучить себя к мысли, что мы уже не дети, а взрослые молодые люди. Она жила в призрачном мире воспоминаний, где по дну тесных ущелий бежали ручьи шоколадного цвета и на скалах лепились обветшалые стены древних аббатств, а наш равнинный край, сухой и жаркий, так и остался для нее навсегда чужим. Мы видели в ее глазах тоску, которая с каждым днем становилась острее, мы знали, что она уже не надеется вновь увидеть родные места, и мы старались хотя бы не доставлять ей лишних огорчений, не осложнять ее и так нелегкий труд хозяйки небогатого дома. Я подбирал для нее утешительные объяснения беспокойным загадкам окружающего мира, Том подчас добродушно поддразнивал ее, а Джинни была с ней такой же, как и со всеми,— откровенной и прямой. Том один умел ее расшевелить; недели две назад я видел, как она гналась за ним по нашему саду с метлой в руке и кричала: «Погоди, чертенок! Вот я доберусь до тебя, Том Квэйл!» Она была из другого века, наша мать, не только из другой страны.

Сейчас она присела вместе с нами на огромную почернелую колоду, которую Том давно уже грозился расколоть на дрова для кухни. (Это была одна из домашних обязанностей Тома — с вечера наготовить запас дров на весь следующий день.) Рядом стояла простая деревянная скамья и висел гамак, и в жаркий летний день здесь всегда можно было отдохнуть в тени. Мать первая завела эту привычку сидеть под старым орехом — вероятно, именно потому, что это был орех, а не эвкалипт, не акация или еще какое-нибудь дерево местной породы.

В гостиной было включено радио: звуки «Свадьбы Фигаро» тончайшей музыкальной пылью просеивались сквозь редину оконных занавесок. Отец вышел из дома и тоже подсел к нам — в одном жилете, с трубкой (что бывало не часто), с вчерашними мельбурнскими газетами в руках. Джинни без слов подпевала музыке; казалось, солнце остановилось, замерло ненадолго в раскаленной бледно-голубой вышине, нарочно, чтобы дать нам передохнуть или хотя бы собраться с мыслями между неотвратимыми свершениями жизни.

Вероятно, взглянув на эту картину со стороны, всякий сказал бы: вот дружная, счастливая семья — да, в сущности, так оно и было, если не считать, что отец и Том теперь постоянно следили друг за другом зловеще-безразличным взглядом, а у Тома в кармане лежала книга, по которой он учился обличать мировое зло: «Государство и революция» Ленина. Что до меня, то моя книга, мой еще не состоявшийся экскурс в еще не состоявшееся будущее, существовала пока только у меня в голове. Я собирался написать ее в русской манере и назвать «Исповедь малодушного человека». Малодушный человек был я. Книга эта никогда так и не была написана, но в ту пору я твердо знал: вот чего я хочу, вот чего добьюсь, а все остальное не имеет значения. А Джинни, о чем она думала тогда? Джинни всегда была для меня загадкой. В другое время из нее могла получиться обыкновенная вертушка, но сейчас это была юная особа с трезвым умом и весьма решительным характером. Много лет спустя я спросил ее, уже замужнюю женщину, о чем она думала в тот день, покачиваясь в гамаке; но она сперва даже не могла понять, о каком таком «том дне» идет речь, и только после моих обстоятельных напоминаний сказала: «Право, не знаю. Вообще я в то время любила воображать, что когда-нибудь попаду в Лондон и дядя Джонни представит меня ко двору. (Дядя Джонни был родственник, занимавший какой-то пост в казначействе.) Вот, пожалуй, и все мои тогдашние мечты».

Так или иначе, каждый из нас уже готовился поджечь свой бикфордов шнур, только взрыв, который должен был взметнуть нас на невиданные высоты, произошел гораздо раньше, чем мы ожидали.

Предостережение, полученное от Джинни, не помогло; спустя несколько дней Том и Пегги так далеко зашли в своей неосторожности, что тайна их окончательно перестала быть тайной. Это случилось на сельскохозяйственной выставке, в день конкурса на лучшее исполнение шотландских танцев, участницей которого была Пегги.

Выставка устраивалась каждый год на специально отведенной для этого территории — примерно с полсотни акров сухой утрамбованной земли. Посередине было выгорожено овальное пространство с трибунами для зрителей, а кругом раскинулись павильоны и открытые площадки, и все это замыкала высокая ограда из рифленого железа. На такой территории легко разместились бы футбольное поле и еще два поля для игры в крикет. Вдоль ограды и кое-где у открытых площадок, защищая их своей тенью от солнца, высились огромные, старые эвкалипты, в ветвях которых было множество сорочьих гнезд.

Окрестные фермеры привозили на выставку все, чем могли похвалиться друг перед другом,— пшеницу, овец, рогатый скот, домашнюю птицу, фрукты, виноград, молоко и молочные продукты, цветы, овчарок. Во время выставки устраивались (а может быть, устраиваются и теперь) состязания лесорубов; для этого в стволе заранее подготовленного дерева пропубали щель и в нее вставляли доску; состязающийся должен был, стоя на этой доске, срубить вершину дерева. Вообще все три дня на выставке попеременно, а то и в одно время происходили всевозможные состязания: фигурная верховая езда, скачки с препятствиями, скачки на необъезженных лошадях (родео), испытания овчарок, выступления гимнастов и тому подобное. И тут же можно было увидеть бродячих фокусников, заклинателей змей, бородатых женщин — словом, весь набор традиционных ярмарочных диковин. В отдельных павильонах азартно соревновались домашние хозяйки в искусстве печь булочки, пирожки, пышки и даже стряпать обеды из нескольких блюд.

Локки Макгиббон разбил под большим эвкалиптом палатку для состязаний по боксу. Состязания были двух видов. Во-первых, происходили «отборочные встречи» в легчайшем, легком и среднем весе (хотя куда и для чего было отбирать местных боксеров-любителей, оставалось тайной). Во-вторых, желающие приглашались провести бой в три раунда с любым из трех боксеров, работавших от Локки. Одним из этих трех был Финн Маккуил. Нокаут в такой встрече счи-

тался победой, и в случае, если бы побежденным оказался его боксер, Локки выплачивал победителю двадцать фунтов. Были у Локки на выставке и другие предприятия: небольшой зверинец уродов, состоявший из бесхвостого кенгуру, однорукой макаки-резуса и понурого кокер-спаниеля о трех ушах, а для любителей испытать свою меткость, каких в наших краях было немало, «Домик тетушки Салли», нечто вроде тира, где требовалось мячиком сбить куклу-мишень. Одна из кукол была сработана в виде довольно похожей карикатуры на моего отца. Локки повторил свою давнишнюю дерзость.

Джек Тернер, заправлявший этим аттракционом, крикнул мне:

— Эй, Кит, не хочешь ли кокнуть разок своего старика?

— Нет, спасибо,— ответил я Джеку.— Со своим стариком я уж как-нибудь без тебя разберусь.

Невдалеке от ринга Локки, где разминались перед боем боксеры в спортивных башмаках и халатах, накинутых на плечи, был сколочен еще один деревянный помост. Но этот был предназначен не для бокса, а для танцев, и там целый день волынщики Джока Макдугалла играли рилы, ламенты, стрейтспеи и другие шотландские танцы. Даже сегодня, стоит мне услышать тягучие, сдавленные звуки волынки, в которых есть что-то китайское, и тотчас в моей распахнувшейся памяти встает тот жаркий летний день. Я не могу его забыть и никогда не забуду, потому что это — одно из самых ярких моих воспоминаний о Пегги Макгиббон.

Мне не удалось посмотреть открытие танцевального конкурса, потому что в своем качестве репортера я совсем захлопотался в эти дни. Газетка наша выходила всего два раза в неделю и не могла уделить много места моим репортажам, но в то же время нужно было ничего не упустить. Приходилось экономить слова, выбрасывать все лишнее — отличная, кстати сказать, школа для начинающего журналиста. Я торчал на выставке чуть не с рассвета и до позднего вечера, а потом далеко за полночь сидел над своими заметками, постигая азбуку газетной дипломатии, заключающуюся в умении безошибочно определять, кого упомянуть необходимо, а кого можно и пропустить, причем второе важнее первого.

Том участвовал в скачке с препятствиями. Скакал он на Флюке, пони, принадлежавшем городскому аптекарю. Том отлично ездил верхом, и этим он был обязан нашему отцу, выучившему нас английской посадке, более гибкой, чем австралийская, с укороченными стременами. Когда-то у нас были два пони, мы с Томом ездили на них в школу и носились по Биллабонгу. Отец получил этих пони в виде гонорара от одного фермера, чье дело он вел, когда тот судился с крупным гуртовщиком из-за нарушения контракта. Дело отец выиграл, но у фермера не оказалось наличных денег, вот он и расплатился натурой, пригнав к нам двух маленьких лошадок вместе с годовым запасом корма для них. Я и сейчас вспоминаю этот год как самый счастливый в моей жизни, а Том, уже будучи летчиком, в 1940 году, говорил мне, что только верховая езда давала ему то же ощущение полного, безграничного блаженства, которое он испытывал за штурвалом самолета. Оба пони были потом отданы за долг мяснику, и тем самым продолжился этот странный возврат к системе натурального обмена. Но Том успел многому научиться в тот год; недаром горожане и фермеры, чьи лошади должны были участвовать в выставочных состязаниях, наперебой старались заполучить его в жокеи. Только объездкой лошадей он не занимался никогда.

В этот раз он тоже выиграл скачку, и на каминной полке у нас в гостиной прибавился еще один маленький серебряный кубок, перевязанный голубой лентой. Я увидел Тома уже после заезда; он стоял в своих латаных - перелатанных бриджах (когда-то это были мои бриджи, но мать починила их, удлинила и пригнала по его фигуре), и вид у него был встревоженный: он боялся, что пропустил выступление Пегги.

Мы вместе пошли к танцевальной площадке и уселись на одну из положенных на чурбаки длинных досок, служивших местами для публики. На этих импровизированных скамейках сидело человек пятьдесят, на краю помоста устроились двое волынщиков со своими инструментами, а в проходе столпилось десятка два молодых женщин, девушек и совсем маленьких девчушек в национальных шотландских нарядах и мягких черных туфельках, похожих на балетные, с клетчатыми пледами и кожаными сумками, отделанными мехом. Они дожидались своей очереди танцевать. У самого помоста за кухонным деревянным столом сидели судьи.

— Вот она,— сказал я, но мог бы и не говорить: Том и Пегги давно уже глазами нашли друг друга.

У меня даже дух зашелся, когда я увидел Пегги Макгиббон в шотландском костюме: черная бархатная безрукавка, шелковая блуза, красные носки, шапочка с длинным пером, а через плечо перекинут мягкий плед в зеленую и фиолетовую клетку. Она была самая настоящая красавица и знала это.

Но главное еще было впереди.

На помосте три маленькие девочки исполняли танец, который, как мне объяснил Том, называется «стрейтспей». (Пегги научила Тома неплохо разбираться в шотландских танцах. Надо же им было о чем-то разговаривать в те долгие вечера у темной реки!) Девочки были прехорошенькие, но даже здесь, в тени большого дерева, трудно было позабыть о накаленной зноем равнине, лежавшей кругом, и принять этих маленьких австралиек за дочерей древней Каледонии.

После их номера я встал и заметил Тому:

— До нее, может, еще не скоро дойдет. Мне некогда ждать.

— Как хочешь,— рассеянно ответил он и, встав вслед за мной, пересел на другое место, в первом ряду. И тут я замер, ошеломленный. Я увидел, как Пегги, отделившись от толпы, решительным шагом подошла к Тому, сняла с плеча свой клетчатый плед, перегнула его пополам и еще раз пополам и церемонно положила Тому на колени.

Так смело, так открыто, так бесстрашно она это сделала, что я смотрел на Пегги Макгиббон и словно впервые ее видел. Лицо у нее горело, губы были сжаты, вероятно, она сознавала всю дерзость своего поступка; ведь все пятьдесят зрителей, и миссис Крэйг Кэмбл, и все подружки Пегги, включая ее сестру Смайли (тоже одетую в шотландский костюм),— все верно оценили значение этого поступка. То был старый обычай горских племен, и я подумал, что в Пегги, верно, и в самом деле течет шотландская кровь: так естественно, с такой непринужденной грацией у нее это вышло.

Том привстал от неожиданности. Все влюбленные одинаковы. Для них ни у кого нет глаз, нет языка, они точно полярные путешественники, затерянные среди снежной пустыни. А у Тома волнение, как всегда, вылилось в потребность атлетического усилия; он весь подобрался, напружился, и мне показалось, что вот сейчас он подхватит Пегги на руки, вынесет ее на помост и сам спляшет бурную джигу.

— Пегги! — Это миссис Крэйг Кэмбл резким окриком призывала к порядку свою ученицу.

Джок Макдугалл, пекарь и музыкант, подошел уже к самому краю помоста и старательно дул в свой инструмент, добиваясь высокого, тонкого, как у флейты, звука. Пегги поднялась по ступенькам; раскрасневшаяся, зеленоглазая, она, казалось, не шла, а летела, словно ее несли по воздуху складки клетчатой юбочки, и кружевные оборки, и носки, и бархатная безрукавка, и огненные волосы, выбившиеся из-под шапочки.

Всякий шотландский танец начинается с поклона, который так же исполнен ритуального значения, как поворот творящего намаз мусульманина лицом к востоку. Это легкий, едва заметный наклон головы, но он строго размерен и рассчитан, как и весь вообще танец, где каждое движение подчиняется правилам, тугим и жестким, как кожа, натянутая на барабан. Должно быть, только влюбленная девушка может вложить в этот поклон столько, сколько в него вложила Пегги Макгиббон в тот день; и хотя ее поклон открыто предназначался Тому, и только ему одному, я при этом почувствовал все то же, что, вероятно, чувствовал Том.

Танец, который исполняла Пегги, назывался «шон труихбас» (моей обязанностью газетчика было точно установить его название); длился он около пяти минут, но состоял всего из восьми или десяти па, повторявшихся многократно с небольшими изменениями.

Пегги сделала полуоборот и, округлив руки над головой, на миг застыла в традиционной позе, придающей силуэту танцовщицы очертания колокола; но вот раздался пронзительный зов волынки — и она, встрепенувшись, пошла по кругу в дробном, бодрящем шотландском ритме, с упоенной самоотдачей чеканя каждый шажок, постукивая, притоптывая, перебирая красными ножками, если только эти привычные термины могут передать тот дух истовости, чуть не священнодействия, которым в исполнении Пегги проникнут был старый народный танец.

Даже случайному зрителю ясно было, что Пегги старается превзойти самое себя. Вероятно, многих тонкостей я не уловил и не оценил, но Пегги мне впоследствии рассказывала, что полночи потом проплакала неуемными солеными слезами, вспоминая то экстатическое мгновение, когда она словно воспарила над самою собой и над всем, что можно измерить, ощутить, разглядеть и попробовать на вкус. То творилось чудо искусства, и все мы это чувствовали, а больше всех волынщик, чья музыка поддерживала и вела Пегги, точно сильные руки живого партнера.

Мне еще только раз в жизни случилось увидеть нечто подобное — это было пять лет спустя в Москве, во время войны, на праздничном представлении «Дон-Кихота», когда Лепешинская и Ермолаев (с которым не может сравниться никто из танцовщиков мира, включая Нижинского) превратили свое па-де-де в ожесточенный танцевальный поединок, казалось, выводивший их за пределы человеческих возможностей. Но то было иное время, иные танцы.

Любовь словно унесла Пегги куда-то в другой мир, и мы, кажется, сомневались, вернется ли она из этого мира снова к нам. Должно быть, ей это и в самом деле нелегко далось, но она все же закончила танец, все с той же безукоризненной точностью исполнив заключительные па: снова пол-оборота, несколько шагов вперед, высоко поднимая ноги над землей, как гарцующая лошадь, остановка, шаг направо, шаг налево, еще остановка — и завершающий поклон, который она опять послала Тому как приветствие божества божеству. Да они и были божествами в эту минуту.

Я уже говорил, что не умею жить, просто вбирая в себя жизнь, как вбирают при дыхании воздух,— я физически, вещно ощущаю все, что происходит вокруг меня, и когда Пегги танцевала, я танцевал каждое па этого «шона труихбаса» вместе с нею; и мне кажется, что и Том, глядя на нее, как бы вырвался из обычной своей стихии и чувствовал то же. Потому что воздействие настоящего искусства всегда таково.

Чутье подсказало мне, что нельзя оставаться ни минуты дольше: это может все испортить. Я оглянулся на Тома, но он просто встал и стоял в своих латаных бриджах, дожидаясь, когда Пегги спустится с помоста. В руках он держал ее плед. Кажется, публика неистово аплодировала. Я говорю «кажется», потому что я не слышал: я поторопился уйти. Но куда бы я ни пошел в тот день, меня всюду преследовали тягучие звуки волынки. Если они вдруг умолкали, я останавливался, напряженно выжидая, и, лишь услышав их снова, с облегчением шел дальше.

Продолжение следует.

Перевод с английского Е. Калашниковой.

Юрий НАГИБИН

Улыбка Джоконды

I

Стендаль утверждал, что Рим можно осматривать двумя способами: 1. Можно изучать все, что есть интересного в одном квартале, и затем переходить к другому. 2. Или же каждое утро искать тот род красоты, к которому чувствуешь влечение, вставая поутру. Я нашел третий способ ознакомления с Вечным городом, недоступный Стендалю. Я ориентировался по большим желтым стрелам с надписью: «Унико». По какому-то странному заблуждению ума я отождествлял слово «унико» со словом «антико», причем сыграло роль не только созвучие этих слов, но и то понятие «уникальный», которое я вычитал в слове «унико», отсюда рукой подать до «особой ценности», а что может быть ценнее античных развалин? Я шел по стрелам, перебегая с опасностью для жизни улицы и площади, пронизанные ужасающим по быстроте и хаотичности, каким-то «клиническим» движением автомобилей, и выходил то к Колизею, то к термам Каракаллы, то к колонне Траяна, то к Форуму, то к останкам жилья древних римлян, где еще велись раскопки.

Меня немного сбивало с толку, что частенько эти стрелы приводили меня не к античным развалинам, а к дворцам и соборам эпохи Ренессанса. Так я оказался у Санта-Мария Маджоре и у палаццо Фарнезе, так я набрел на Моисея в глубине сумрачного храма Сан-Пьетро ин Винколи. Лишь когда в Риме проездом из Испании, где он читал лекции в Мадридском университете, оказался литературовед Николай Т., «профессоре Колиа», как называли его итальянские друзья, мне открылось, что желтые толстые стрелы служат указателями не памятников старины, а одностороннего движения.

Профессоре Колиа много смеялся по этому поводу, а я думал: «Смейся на здоровье, а все-таки эти стрелы помогли мне узнать Рим».

До его приезда я был очень одинок в Риме. Еще не кончились каникулы, и все мои немногочисленные знакомые литераторы не вернулись с морского побережья или из путешествий; кинематографисты находились в Венеции на фестивале, а единственный человек, подаривший мне ощущение того радостного доверия, что предшествует дружбе, бывший радист дирижабля «Италия» Джузеппе Биаджи умирал от рака в военном госпитале. За все пребывание здесь я лишь дважды прикоснулся к домашней жизни римлян: в первый раз я побывал в семье умирающего Биаджи, в беднейшем квартале Рима, сплошь завешенном бельем на просушку, другой раз — в доме бывшего капитана флагмана русского флота «Андрея Первозванного», близ виллы Боргезе. Хозяина дома, нежно-хрупкого от лет и недугов, утонченно-вежливого старца, я сразу узнал по фильму «Сладкая жизнь», где он играл официанта. Снимался бывший командир прославленного корабля и в грустной комедии про ослика, премированной на фестивале, но так и не увидевшей света, ибо прокатчики не поверили в коммерческий успех фильма. В семью капитана-артиста я попал по приглашению его жены, учительницы русского языка, активной деятельницы Общества итало-советской дружбы. Но, конечно, пребывание в этом доме, где звучала старинная, сладкая бунинская речь и подавались сибирские пельмени с горошиной на счастье, не могло особенно приблизить меня к познанию итальянского быта и нравов. Да, чуть не забыл, еще был краткий деловой визит к режиссеру Антониони, творцу «Затмения» и «Красной пустыни». Наша встреча состоялась в его огромной новой квартире, увешанной ультрасовременными полотнами известных и безвестных, но остро одаренных итальянских художников. Перешагнув порог жилья Антониони, я не перешагнул порога его души,— предмет разговора не занимал Антониони, он ограничивался минимальным количеством слов, даже не притронулся к виски, был скучен и уныл, как похилившийся крест на заброшенном сельском кладбище. Лишь раз он взорвался, да так, что мне привиделся грозный атомный гриб,— когда я сказал, что у меня есть подлинники Татлина. Этот художник поразил, потряс Антониони во время его пребывания в Москве на кинофестивале. «Я завтра же лечу в Москву!» — вскричал он, и его лицо, будто скрывавшееся в тени, вспыхнуло от внутреннего света: худое, нервное, опаленное лицо, и я понял, что медленные, малодейственные, горькие до отчаяния фильмы Антониони рождаются из таких вот реактивных вспышек, а не из кладбищенской тишины.

Профессоре Колиа, глубокий знаток романских языков и литературы, блестящий лектор, жизнелюб и бражник, сказал, что берется искупить вину Италии передо мной: он покажет мне Рим и римлян по-своему, даст мне увидеть лицо и изнанку здешней жизни, понюхать быт и насвежо воспринять все культурные ценности. Мне казалось, что для осуществления такой программы необходимы месяцы, а не оставшиеся мне немногие дни, но профессоре лишь усмехнулся с выражением самодовольного превосходства.

Для начала он повел меня в музей восковых фигур, приткнувшийся под боком терм Диоклетиана. «Я знаю, что делаю»,— сказал он в ответ на мои робкие сомнения в справедливости такого выбора.

Этот воскресный день выдался на редкость синим, солнечным, но не жарким, все время налетал освежающий морской ветерок, и дышалось легко. Ветерок задирал короткие юбки проституток, лакомившихся арбузами возле летнего кафе на площади Республики. Большие куски красного, сочного арбуза с черными, как тараканы, косточками им приходилось держать двумя руками, что мешало одергивать юбки; они предоставляли ветру высоко открывать их загорелые ноги, платя дань приличию холодно-испуганными вскриками притворного смущения. Их час еще не пришел, и, обходясь без профессиональных взглядов, улыбок, жестов, они напоминали школьниц-лакомок на большой перемене.

— Я вижу по твоему живому и глубокому взгляду, что теперь ты с легкой душой напишешь неизбежную для всех путевых очерков банальность: «Больше всего в Риме мне понравились люди»,— заметил профессоре...

Маленькое, из трех клетушек, тесное, убогое помещение, набитое безобразными восковыми манекенами, не было сопричастно колдовству и тайне, сопутствующим в нашем воображении дерзостному, почти кощунственному скопищу человеческих чучел. Музей восковых фигур дарит посетителей близостью к великим и грозным мира сего, возможностью глядеть в глаза тем, перед кем все потупляли взор, разглядывать порой с усмешкой черты, повергавшие в трепет народы... Но все эти сложные и волнующие переживания не имеют никакого отношения к римскому восковому заведению. Если верить экспозиции под боком Диоклетиановых терм, то все великие люди страдали водянкой, их отличала диспропорция между огромной, котлообразной головой и тщедушным, полудетским тельцем. Говорят, все в мире на что-нибудь похоже; все, кроме здешних восковых фигур,— они ни на что не похожи и меньше всего на тех, кого должны изображать.

Когда мы выбрались на свежий воздух, я спросил профессоре, зачем он повел меня в это убогое место.

— Для точки отсчета,— хладнокровно пояснил он.— Все, что ты теперь увидишь или видел раньше в Риме, пойдет со знаком плюс. Самый безрадостный, сухой и традиционный из примитивов покажется полным жизни и огня. Самый нелепый из модернистов — талантливым и самобытным, даже гигантский «Ундервуд», памятник Виктору-Эммануилу, оскверняющий прекрасную площадь Венеции, предстанет облагороженным, почти величественным. Все люди, даже подонки, заиграют красотой человека, все неудачи и разочарования покажутся терпимыми. В сравнении с этим хамьим бесстыдством все прекрасно и ценно в мире...

К собору св. Петра мы успели как раз в тот момент, когда у ворот Ватикана происходила смена караула. Конечно, нам помог случай, но профессоре напускал на себя столь смиренно-лукавый вид, что можно было подумать: он специально так подгадал — минута в минуту. Необыкновенно стройные, матово-смуглые юноши в красивой, дивных тонов старинной одежде и больших, с грациозной лихостью заломленных беретах, упорно не попадая в ногу, проделали несложный маневр.

— Надо же!— сказал профессоре.— Два столетия назад путешественников удивляло неумение папской гвардии шагать в ногу. Можно подумать, что строю их обучают прелаты, а не офицеры. Зато как красивы!.. Ведь их одел Микеланджело. Вот что значит прикосновение гения! В отличие от Рафаэля он был совершенно равнодушен к земным благам: пище, вину, одежде. Всю жизнь ходил чуть не в рубище. Но папа поручил ему одеть дворцовую стражу, и Микеланджело оказался феноменальным модельером. Надо время от времени запускать гения в быт, как кошку в амбар. Жизнь станет неизмеримо красивее.

Когда мы пришли на площадь, охваченную двумя клешнями колоннады Бернини, меня охватило знакомое томительное чувство. Сейчас профессоре обязательно скажет что-нибудь про купол св. Петра. Этот купол был главным чудом среди чудес величайшего и совершеннейшего из всех христианских храмов. С детства была мне знакома долгая, трудная история строительства собора, начатого Браманте, продолженного Микеланджело, Сангалло, Рафаэлем... Самые волнующие страницы этой летописи — создание купола, который должен был превзойти красотой и величием знаменитый купол Флорентийского собора, созданный Брунеллески и казавшийся современникам пределом совершенства. Решил эту задачу, конечно, Микеланджело, для него не существовало неразрешимых задач. Он создал купол, которому не было и нет равных на земле. Не счесть, сколько изображений этого купола довелось мне видеть: на рисунках, литографиях, офортах, фотоснимках. Не говоря уже о том, что его умаленным подобием я много раз наслаждался, любуясь куполом Казанского собора. Но каково же было мое остолбенение, когда, подъехав впервые к собору и выйдя из машины, я никакого купола не обнаружил! Фасад с портиком и всем, что полагается, вздымался ввысь и, плоско обрезанный сверху, являл вид какого-нибудь римского палаццо. А купола, величайшего, прекраснейшего, неповторимого, в помине не было. Без него же исполинский храм казался не храмом вовсе, а светской постройкой. Я ничего не понимал, сердце сжалось ужасом: уж не сошел ли я с ума?.. Тут еще мой спутник режиссер К. возьми да и скажи:

— Грандиозно?.. А купол?..

И я с малодушием андерсеновской толпы, восхищавшейся новым платьем короля, голого, как Адам до грехопадения, пробормотал:

— Да, поразительно!..

Конечно, потом я десятки раз видел купол, наделявший храм привычными очертаниями, но всегда издали, а чаще всего еще и сверху, например, из парка советской колонии. Я пытался уговорить себя, что так и надо, но меня не оставляло смутное ощущение художественной несправедливости. Потревожить кого-либо своими сомнениями я не решался из боязни показаться смешным. Но теперь час настал,— профессоре сам вызвался открывать мне тайны Рима.

— А купол где?— спросил я грубо.

— Как где?— не понял профессоре.

— Купола-то нету!— нажимал я, словно он был виноват в исчезновении купола.

Профессоре озадачился, смутился, и стало ясно, что он не замечал отсутствия купола, бессознательно населяя им верх здания.

Он протер очки, задрал голову и уставился вверх с таким видом, будто требовал у кого-то незримого немедленно вернуть главу храма.

— Надо же!— произнес он с горечью.— Святой Петр без купола! Это так же невероятно, как неполноценность Париса, правдолюбие Мюнхаузена или смирение протопопа Аввакума... Недаром же я где-то читал, что преемники Микеланджело, отступив от его плана, испортили собор по фасаду. До чего же предвзято человеческое зрение! Я мог бы до потери сознания спорить, что купол виден во всей красе от колоннады Бернини.

— Прими это открытие в благодарность за музей восковых фигур.

— Ладно, ладно,— проворчал профессоре,— еще не вечер. Пошли!..

Когда мы подымались по ступеням храма в толпе туристов, студентов, крестьян и монахов, он спросил:

— Ты, конечно, уже был в Сикстинской капелле?

— Несколько раз.

— Фрески Боттичелли видел?

Я замялся.

— Видеть-то видел, но не вглядывался.

— Понятно. Это происходит почти со всеми... первые сто раз. Микеланджело так захватывает, что на остальное не хватает душевных сил. Если не ошибаюсь, ты с юных лет поклоняешься Одетте Сван, в девичестве де Кресси? Когда приезжал Вигорелли, ты так долго распространялся о своей влюбленности, что все заснули за столом.

Это правда. С того июньского жаркого дня, когда на песчаном волжском островке под Ярославлем я впервые раскрыл маленький томик издания «Академии», случайно обнаруженный мною на книжной полке наших дачных хозяев, вошла в мою жизнь едва ли не сильнейшая влюбленность. На серо-голубом переплете было изображение молодого женского лица: «...закатившиеся за приспущенные веки блестящие глаза ее, большие и тонко очерченные, как глаза боттичеллиевых флорентиянок, казалось, готовы были оторваться и упасть, словно две крупные слезы...»

На страницу села бабочка с оранжевыми, в мраморных прожилках крылышками; она медленно, чуть оскальзываясь, ползала по глянцевому листу вместе со своей изящной тенью, то слепляя крылышки и становясь сухим листочком, то распластывая их в доверчивой гордости своей нарядной красотой. Порой она закрывала текст, но я не прогонял ее, терпеливо ожидая, пока она сама покинет меня, а потом я стал фантазировать, что это душа Одетты де Кресси, и мне стало нежно и радостно, что-то новое, неведомое, хотя и смутно ожидаемое творилось со мной. Сухо шелестел обгоревшими на солнце листочками колючий куст с темно-красными, будто полированными ветками, шевелился песок, натекая меж страниц книги, вдалеке на высоком берегу, за темными деревьями, проблескивали меловой белизной стены каких-то зданий, то ли дворцов, то ли храмов; бездонное синее небо опрокидывалось в изморщиненную ветром гладь реки, и как же сладко мечталось мне над страницами книги в мои неполные семнадцать лет! С тех пор я много раз отправлялся в сторону Свана, но уже не было той до боли сладкой печали, пережитой на волжском островке под сухим, колючим кустом, когда во мне впервые проснулось сердце.

— Одетта казалась Свану копией Сепфоры, дочери Иофора,— толкался в ухо голос профессоре, и мне впервые подумалось, что он вовсе не чужд легкого научного педантизма.— Ты можешь ее увидеть на фреске Боттичелли «Жизнь Моисея». Она расположена довольно высоко и плохо освещена, вот бинокль.— Он протянул мне маленький, но, как я потом убедился, довольно сильный бинокль.— Помнишь, что погубило славного философа Хому Брута? Он не послушался тайного голоса и взглянул на Вия, тут ему и пришел конец. Микеланджело пострашнее Вия. Может быть, ты закроешь глаза, и я проведу тебя к фреске, как слепца? Ты уставишься на дочь Иофора, и все будет в порядке.

Я отклонил это любезное предложение и вошел в капеллу без поводыря, слегка потупив голову. Одолев искушение, стоившее жизни не только Хоме Бруту, но и жене Лота, приложил бинокль к глазам и в ошеломляющей близости увидел длинные пряди незаплетенных волос, усталый наклон головы и большие, хмурые глаза, готовые «оторваться и упасть, словно две крупные слезы». И тут во мне кто-то чужой, а быть может, я сам, прежний, не до конца истратившийся в обветшалой оболочке, вдруг коротко и странно взрыднул...

II

Этого человека я заметил еще в галерее Дориа, куда мы пришли после Ватикана и виллы Боргезе. У нас с профессоре возник спор по поводу портрета молодой женщины в красном, приписываемого Леонардо да Винчи. Портрет этот, заключенный в массивную золоченую раму, в одиночестве висел посреди обширной стены, не терпя возле себя никакого соседства. Подобная честь была оказана лишь знаменитому портрету папы Иннокентия X. Но это произведение кисти Веласкеса спокон века почиталось главным сокровищем галереи Дориа, а вот о портрете Леонардо я не встречал упоминания ни у Стендаля, ни у других авторов. А в каталоге галереи имя Леонардо стояло без знака вопроса, принятого в тех случаях, когда авторство того или иного мастера подвергается сомнению. Вопреки очевидности я отказывался верить, что этот сухой, жесткий, грубо завершенный по живописи портрет принадлежит Леонардо. Где поэтичность, лунность, благородное изящество и мягкость творца Джоконды и святой Анны, где Леонардова улыбка? Не помню возражений профессоре, да это уже и неважно,— он вскоре покинет мой рассказ, а его место займет бродяга, обнаруживший себя впервые во время нашего спора и вновь оказавшийся возле нас, когда мы вышли на улицу. К этому времени я отчетливо чувствовал, что профессоре стремительно скисает. Это трудно было объяснить физической усталостью: худой, мускулистый, двужильный профессоре был куда выносливее меня. Но может быть, он утомился душевно?

Бродяга что-то сказал по-итальянски, и на рассеянно-утомленном лице моего друга перемежающимися зарницами вспыхнули заинтересованность, надежда, сомнение и вновь надежда.

— Он предлагает за стакан вина открыть великую тайну, чему же в конце концов улыбалась Джоконда!— сказал со смехом профессоре.— Как ты к этому относишься?

Я пожал плечами.

— А ведь, пожалуй, его предложение соответствует нашей программе ознакомления с Римом. Во-первых, тут налицо тайна, во-вторых, тебе необходимо пообщаться с представителем улицы. Ступайте в тратторию, я к вам через часок присоединюсь.

— Ты уходишь?

После краткого колебания он ответил честно:

— Только сегодня я понял, как мучительно быть гидом. Впрочем, у них, наверное, вырабатывается профессиональный иммунитет. Но для любителя — это смертельно. Знаешь, до Ватикана я еще держался, но потом почувствовал, что начисто теряю способность радоваться искусству, городу, самой жизни. Необходимость показывать и объяснять убивает восприятие. Я как будто навеки терял Рим. Когда я разглагольствовал в парке Боргезе, сколько деревьев погибло во время зимних заморозков, я с ужасом обнаружил, что любимый парк потерял для меня всякую прелесть, то же произошло и возле любимых моих картин. Я стал нищим. Этот добрый человек послан мне небом. Пока он будет пороть свою ахинею, я прикоснусь к чему-то живому, теплому, не требующему пояснений, и вновь обрету способность видеть, радоваться, жить. И еще запасусь выносливостью, которой мне хватит для Капитолия, Форума, Аппиевой дороги.

— Но как же я буду с ним общаться?

— Я говорю по-русски,— очень чисто произнес бродяга.

Узкое, серповидное лицо его с темно-обрякшими, будто заплаканными глазами и небольшими, аккуратными усиками, повторяющими изгиб верхней губы, его подбористая зяблая фигурка казались мне почти родственно знакомыми. Узкий пиджачок, обтрепанные понизу брюки, ветхое кашне, небрежно обмотанное вокруг дряблой шеи, фетровая шляпа с засаленной лентой, манера поеживаться и горбить плечи, словно его пронизывал озноб,— все эти подробности одежды и поведения были явно рассчитаны на то, чтобы подчеркнуть его похожесть на кого-то, не дать окружающим удовольствоваться смутной полудогадкой. И тут меня осенило: он утрировал свое природное сходство со знаменитым комиком Тото. Возможно, он находил в этом развлечение, а скорее всего — выгоду. Так нужно для его малого промысла среди иностранцев: близость к знакомому и привлекательному образу повышает его достоверность, располагает к доверию.

Мы вошли в тратторию.

Это была обычная дешевая харчевня, тесно уставленная столиками под бумажными скатертями; между входной дверью и баром торжественно высилась ваза с фруктами: сочные персики, прозрачный виноград, неправдоподобно громадные апельсины. Мы прошли на террасу, увитую диким виноградом. Меж пожухлых лоз виднелся грязноватый, захламленный дворик, там пили пиво за маленькими непокрытыми столиками люди в комбинезонах.

Подошел официант в белом, засаленном на животе кителе; над карманом с торчащей шариковой ручкой алело, словно орден, большое винное пятно. Он вынул ручку, под колпачком в прозрачной жидкости плавала русалка с большими грудями и зеленым хвостом.

— Спагетти?.. Сыр?.. Фрукты?..— обратился я к бродяге.

— Только кьянти,— сказал он нетерпеливо и что-то добавил по-итальянски.

Официант наклонил голову с белым широким, припорошенным перхотью пробором в черных грубых волосах, сунул ручку в карман, отчего русалка опрокинулась кверху хвостом, и нырком удалился от нашего столика.

— Вы очень хорошо говорите по-русски,— сказал я.

— Нет, прононс хороший, а слов мало. Мой русский — почти пустой бокал.

— Странно...

— У меня такой талант. Я схватываю прононс. Музыкальное ухо. У меня отличный русский прононс, а также эфиопский, сербский и, конечно, французский, английский.

— Вы изучали все эти языки?

— Что вы!.. Откуда римские солдаты знали греческий, арабский, галльский? Они не учились, они завоевывали чужие страны и получали новый язык в придачу.

— Я что-то не припомню за последние десятилетия победоносных итальянских войн.

— Нас отовсюду выгнали. Но я был в Абиссинии, в Югославии и в вашем Донбассе. Скажу честно: у меня не было другой добычи, кроме прононса, ну, и немногих слов. Вы не сердитесь, что я присвоил ваши слова?

— Нисколько.

— Мне кажется, это вас раздражает. Давайте перейдем на английский. Вы согласны? Прекрасно!— Он заговорил по-английски.— Этот язык достался мне, когда из вечного, хотя и незадачливого оккупанта я превратился в оккупированного. Кстати, это куда приятнее...

— Почему вы все время воевали?

Официант поставил перед нами двухлитровый кувшин с красным вином и два глиняных стакана. Бродяга взял кувшин одной рукой за толстое горло, другой — под днище и, проливая — так дрожали у него руки,— наполнил стаканы. Только теперь увидел я, насколько он разрушен. Он поднес стакан к губам, вино плескалось, словно в стакане разыгралась буря, прицелился и встречным движением — головы к стакану — поймал жидкость ртом, совсем немного пролив на подбородок и рубашку.

— Я был еще студентом и что-то ляпнул в компании. На меня донесли, я оказался за решеткой. Тогда с этим было просто. Узник из меня явно не получался, я страдал боязнью замкнутого пространства. Как раз в это время обнаружилось, что Муссолини не Помпей Великий, мы безнадежно завязли в Абиссинии. При некоторых связях, которые у меня имелись, можно было обменять камеру на просторы пустыни. После нашей позорной победы я служил в Аддис-Абебе, потом вернулся в Рим. Но я уже стал незаменим как воин: чуть что — меня немедленно призывали под знамена. Я человек нежный, люблю искусство, книги, ненавижу барабан, трубу, шагистику, выстрелы и особенно — лай команды. Мне стало скучно, я начал пить и опустился. Потом — мировая война. Я мечтал о плене, но брали всех, кроме меня. Я вернулся домой ни на что не годным и, как ни странно, старым. Меня это потрясло. Всю жизнь я был недоучившимся студентом, и вот без молодости, созревания

ПРАВДА ХАРАКТЕРОВ

В своей автобиографии Борис Зубавин пишет, что жизнь наша настолько богата чудесными людьми, их подвигами, мыслями, поступками, что писателю и выдумывать нечего... Пиши только то, что видишь, чувствуешь, ощущаешь, любишь, за что хочешь бороться, что можешь видеть лучше, красивее.

Эти слова невольно вспоминаются, когда читаешь новые книги Бориса Зубавина. В них вошли написанные в разные годы повести «За Рогожской заставой», «Кольцо», «Радость», «От рассвета до полудня» и двадцать рассказов о наших современниках.

Борис Зубавин рисует окружающее широко, свободно, щедро, вкладывая в свои произведения не только то, что увидел и подслушал в жизни, что пережил и передумал. Мотивы, управляющие поступками его персонажей, человечески сложны. Зубавин не морализует, а «показывает» жизнь в ее подлинном движении, и читатель уже сам делает для себя выводы.

Автор, как правило, раскрывает характеры своих героев путем показа их в привычной обстановке, экономно вводя страницы воспоминаний и уделяя основное внимание внутренним движениям души, оттенкам мысли.

Всю свою творческую жизнь Борис Зубавин выступает в одном жанре — короткой повести и рассказа. Заключенное в природе этого жанра условие — в малом дать многое — требует особой прочности, собранности в построении, целесообразности каждого эпизода и каждой детали. Б. Зубавин в ходе повествования стремится не только к конкретности изображения, но и к простоте и экономности изобразительных приемов. Вместе с тем лаконично, без каких-либо эффектов и восклицаний рассказы и маленькие повести Зубавина составляют впечатление объемности. Мы видим не только людей, но и ту обстановку, какая их окружает.

В результате книги оказались населенными самобытными и очень знакомыми по жизни образами... Григорий Востриков, Дмитрий Басов, Андрей Полетаев и многие другие зубавинские герои — люди красивой и открытой души, ясных помыслов.

Эти рабочие парни, скромно и увлеченно делающие свое дело, знающие и любящие свое место в жизни, очень нужны нам в литературе.

М. ЛАПШИН

Борис Зубавин. В гостинице лесного города. Издательство «Художественная литература». 1966. От рассвета до полудня. Издательство «Советская Россия». 1967.

и зрелости сразу стал стариком.— Он вдруг схватил кувшин за ручку и рывком наклонил над стаканом. Выпив, он спокойно налил из полегчавшего кувшина в оба стакана.— Придется раскошеливаться еще на кувшин,— сказал он,— вы получаете две истории вместо одной.

— Согласен. Но пока что я выслушал лишь вашу историю да и то не до конца.

— До конца. Все остальное — здесь,— он щелкнул ногтем по стакану,— в «кубке забвения Рипа ван Винкля», если вы помните Вашингтона Ирвинга.

— Неужели это слабенькое вино дает забвение?

— Еще как!..

— Сколько же его надо?..

— С каждым годом все меньше. Но, к сожалению, еще порядочно. Беда в том, что алкоголь не действует на меня усыпляюще. Завидую иным пьяницам: выпил два больших коньяка или литр кьянти и дрыхнет чуть не целые сутки.

Подошел официант с новым кувшином. Я и не заметил, когда бродяга успел подать ему знак. Официант разлил оставшееся у нас вино по стаканам, промокнул грязной тряпкой бумажную скатерть, вздохнул, как всегда вздыхают итальянские официанты, когда им приходится делать это лишнее, по их мнению, движение, и унес пустой кувшин.

— Знаете, я вовсе не преувеличиваю своей беды,— почти горделиво сказал бродяга. Теперь он уже не опорожнял стакан духом, а тянул вино маленькими глотками.— И так слишком много народа занимается искусством. Ну, было бы на одного пустомелю больше. Хороший пьяница полезнее для общества, чем любой искусствовед. Он поддерживает виноделие и торговлю — два древнейших и почтеннейших занятия на земле, он не переводит бумагу, не вклинивается между художником и публикой, не задуряет слабым людям мозги, он безвреден. То, чем я с вами поделюсь, отнюдь не искусствоведение, а догадка, прозрение, называйте, как хотите, умозаключение точное, как в быту. Когда вы долго подглядываете за своими соседями, вы начинаете что-то понимать в их жизни... Я долго подглядывал за Леонардо да Винчи, что-то в нем меня не устраивало. Вы что-нибудь читали о Леонардо?

— Читал, и довольно много.

— Вазари, конечно, читали?

— Да.

— Он бывает иногда точен. Помните, как он описывает сеанс с Джокондой? «...Так как мадонна Лиза была очень красива, то во время писания портрета он держал людей, которые играли на лире или пели, и тут постоянно были шуты, поддерживающие в ней веселость и умалявшие меланхолию, которую обычно сообщает живопись выполняемым портретам. У Леонардо же в этом произведении улыбка дана столь приятной, что кажется, будто ты созерцаешь скорее божественное, нежели человеческое существо»... Теперь немного доверия и воображения. Вы, конечно, были в Ватикане и видели станцы Рафаэля. И вам, полагаю, известно, что Платону на фреске «Афинская школа» он придал черты Леонардо да Винчи? Поистине «дивным и божественным», как говорил Вазари, был Леонардо, сын Пьетро из Винчи. В ту пору творцы прекрасного были сильны, как молотобойцы или портовые грузчики. Я не говорю о громиле Бенвенуто, но изнеженный Рафаэль был сильным, выносливым и поразительно трудоспособным человеком. Силен, как бык, был маленький, сутулый, жильный Микеланджело. Но сильнее всех был Леонардо. О его мощи ходили легенды. Он гнул подковы, ломал в пальцах дублоны, забавы ради завязывал узлом кочергу. Он был воплощением величавой мужественности, первый во всем: в творчестве, образованности, всеохватности дарований, доброте, царственном обаянии, и мона Лиза влюбилась в него, да и не могла не влюбиться. Она была женщиной нежной, затаенной и страстной, а мессир — ее муж — одним из скучнейших флорентийских обывателей. Она являлась в дом Леонардо, он шел ей навстречу в длинной одежде, отороченной мехом, на груди золотая цепь. Он кланялся ей низко и чуть растерянно, приветствуя чудо человека, заключенное в ней, и вел в мастерскую. То и дело перед Джокондой склонялись в глубоком поклоне красивые молодые люди в бархатных одеждах. Это были художники из свиты Леонардо, которых современники непочтительно прозвали «леонардесками». Можно учиться у Рафаэля, подражать ему и все же быть Джулио Романо, можно благоговеть перед Микеланджело и стать Челлини, но нельзя было безнаказанно подражать Леонардо, как впоследствии — Рембрандту: гибельное, словно кислота, обаяние учителя съедало ученика.

Они переступали порог мастерской, и Леонардо говорил:

— Вы опять печальны, мадонна?

Он делал знак рукой, и скрытые за ширмой музыканты начинали играть; легкая, радостная, чуть жеманная мелодия касалась слуха Джоконды. Она смотрела на художника, сверхчеловека, божественного Леонардо, и на губах ее начинала зарождаться улыбка. Этот могучий ум, опередивший на сотни лет свое время, этот высокий дух, вместивший в себя все мироздание, не мог постигнуть простого и близкого явления женщины, находящейся перед ним. Улыбка Джоконды начиналась легким подрагиванием в уголках губ, и ей легче было стать плачем.

Мона Лиза занимала свое обычное место, складывала руки покорным жестом. Леонардо в задумчивости брал золотой — деньги, которых ему вечно не хватало, валялись где попало,— и коротким движением сгибал пополам, словно лепесток розы; пальцы у него были длинные, тонкие, едва ли не тоньше, чем у моны Лизы, с миндалевидными ногтями.

— Вы несчастливы, мадонна?— говорил он с проницательно-наивным видом и хлопал в ладоши.

Тотчас из маленькой двери выбегал отвратительный горбатый карлик в двухцветном костюме, в колпаке с ослиными ушами, с множеством бубенчиков и начинал кривляться перед Джокондой. Довольный Леонардо чуть щурил золотые, как мед, глаза. И тут на губах моны Лизы появлялась усмешка, именно усмешка, а не улыбка, над мужчиной, который таким жалким образом думает осчастливить женщину. Вспомните ее улыбку, луврскую, а не воспроизведенную на этикетках парфюмерных изделий, не расслащенную его учениками и не его же, совсем другую, светло-печальную улыбку склонившихся над младенцем Христом мадонн. Вы увидите в улыбке Джоконды горечь, насмешку, жалость на грани прощения, но самого прощения нет. Это улыбка разочарования глубоко порядочной женщины, готовой всей душой, всем естеством, всем внутренним сознанием справедливости преступить запретный порог, но обнаружившей, что за порогом этим — пустота.

В какое-то мгновение в голосе моего собеседника пробился усталый пафос, но кончил он без всякого воодушевления и осушил стакан.

— Это звучит особенно правдоподобно, если подтвердится догадка исследователей Леонардо, что на знаменитом портрете изображена вовсе не почтенная матрона, а известная куртизанка.

Впервые бродяга разозлился.

— Я слышал об этом! Тухлая чепуха, бред оригинальничающих недоумков! От моны Лизы за версту несет порядочностью. Куртизанкой может быть, если хотите, леонардовский Иоанн Креститель, женственное существо, у которого единственный мужской признак — посох!..

— Мне больше по душе иное объяснение тайны Джоконды,— сказал я.— Каждому смотрящему на нее она улыбается по-своему. Поэтому люди и не могут сговориться, что же выражает ее улыбка.

— Как хотите,— сухо сказал бродяга.— Но вино я все-таки допью...

ДАР ВОСХИЩЕНИЯ

«Влюбленным всей земли» — это лирическое название книги избранных стихов Александра Гатова. Подавляющее большинство стихотворений, включенных в сборник, написано в последнее десятилетие, но рядом с ними читатель найдет стихи, созданные поэтом в пору своей юности, накануне Великого Октября.

И те чувства, которые волновали поэта на заре Советской власти, с новой силой, с юношеским задором звучат в его стихах о современности и современниках. Через пятидесятилетний путь своего творчества Александр Гатов пронес два нераздельных «прекраснейших чувства»: стремление к правде и верность Родине.

Доблесть борца и поэта —
Чувства прекраснейших два,
Правда и верность. Ведь это
Лучшие в мире слова.

Лирический герой поэзии Александра Гатова воплощает в себе боевые революционные традиции советского народа, его героизм, ярко проявленный в боях и труде.

Во многих стихах Александра Гатова явственно ощущаются традиции русской революционной поэзии и поэзии Парижской коммуны. Для воплощения в поэзии важнейших тем современности он находит своеобразные художественные приемы. О стилевом многообразии поэзии Александра Гатова, о его творческом пути сжато, но очень четко и верно рассказывает литературовед А. Волков в предисловии к книге.

Сборник избранных стихов А. Гатова, несомненно, вызовет живой отклик в сердцах «влюбленных всей земли», ибо нельзя пройти мимо таких стихов, которые призывают людей воспитывать в себе Красоту, Доброту, Доблесть и Правду.

У Красоты есть чары —
восхищать,
У Доброты — умение прощать,
У Доблести — решимость
защищать,
У Правды — смелость, чтобы
не смолчать.

А. МИГУНОВ

Александр Гатов. Влюбленным всей земли. Издательство «Художественная литература».

ДОВЕРИТЕЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

В книге В. Шишова «В большом походе» есть одно примечательное качество — заботливый, аналитический подход к произведениям тех авторов, которые нередко обходятся вниманием нашей критики. Большой отряд талантливых прозаиков, работающих в разных краях Российской республики, объединен в этой книге не случайно. Они представлены в поиске правдивых и ярких форм отражения современной нашей жизни во всей ее сложности и увлекательном разнообразии. Жизнь современника, его неудержимое стремление к обретению нравственных ценностей, к делу на пользу людям — вот что общее отмечено автором критического сборника в книгах таких разных и своеобразных писателей, как Сергей Баруздин, Виктор Стариков, Сергей Никитин, Станислав Мелешин, Николай Почивалин, Сергей Алексеев... Анализируемые книги критик рассматривает в соотношении правды художественной с правдой жизни, в каждом конкретном случае выделяя творческий почерк и нравственно-социальный идеал литератора. И еще, пожалуй, боевое и дорогое качество верно подмечено критиком в работе талантливого отряда российских писателей: активное воздействие своими книгами на современную жизнь, полная сопричастность ко всему, чем живет наша страна. Герой-современник прочно вошел в книги, которым суждена прямая и верная дорога к душам читателей. «В большом походе» В. Шишова передано ощущение действительно богатого, действительно плодоносного движения литературы Российской Федерации.

Н. КАМБУЛОВ

В. Шишов. В большом походе. Издательство «Советская Россия», 1967.

Большой театр Союза ССР показал свою новую работу — премьеру оперы Александра Холминова «Оптимистическая трагедия».

Мы обратились к постановщикам спектакля режиссеру И. М. Туманову и дирижеру Г. Н. Рождественскому с просьбой рассказать, как работал коллектив над сценическим воплощением новой советской оперы.

Перешагнув через десятилетия

И. М. ТУМАНОВ,
народный артист СССР

— «Оптимистическая трагедия»... Название это, кстати, великолепно найденное, точное, звонное, полное глубочайшего смысла, известно давно. Тридцать четыре года назад «Оптимистическая трагедия» Всеволода Вишневского увидела свет рампы в Камерном театре. Спектакль ставил Александр Яковлевич Таиров, Комиссара играла Алиса Коонен, Алексея — Михаил Жаров. Спектакль был замечательный, я до сих пор помню его... После этого «Оптимистическая трагедия» обошла почти все сцены в нашей стране, ставили ее за рубежом, снимали кинофильм. И, наконец, композитор Александр Холминов написал оперу. Такая популярность произведения настораживала. Заинтересуется ли публика? Пойдет ли на спектакль?

Когда мы познакомились с оперой, наши сомнения рассеялись, мы поняли: перед нами материал для настоящей народной трагедии. Правда, в первом варианте и композитор и либреттист А. Машистов несколько отошли от замысла Вишневского. Очевидно, не поверив до конца в героическую драматургию Вишневского, они усилили в опере любовную линию Комиссара и Алексея. Нам это показалось неверным. Хотелось рассказать не о любви анархиста и большевистского комиссара, а о том, как в жестокой борьбе, в смертельной идейной схватке побеждают большевистские идеи, как банда анархистов превращается в матросский полк регулярной Красной Армии. Трудная, рожденная в тревожной, напряженной обстановке борьбы любовь должна остаться, но сцены эти должны быть строже, глубже.

Героями этой оперы мыслились не отдельные, даже очень яркие личности, а матросы, народ, который под руководством Коммунистической партии обретает самосознание, понимание своей высокой революционной миссии. Композитор горячо откликнулся на наши пожелания. С подлинным творческим запалом переписывал он одни сцены, наново писал другие, и теперь можно сказать, что на сцене Большого театра поставлена принципиально новая редакция оперы.

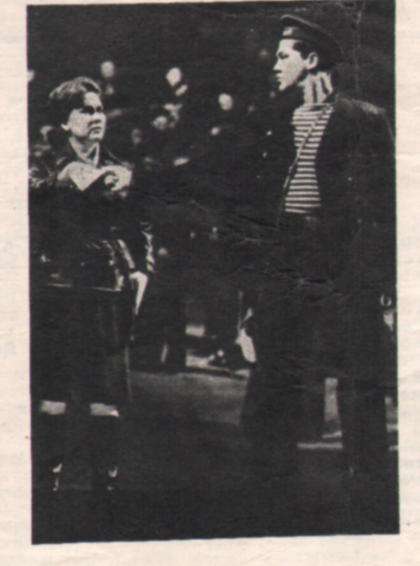
Создание спектакля, героем которого будет народ, потребовало огромной работы над массовыми сценами. С каким энтузиазмом трудились артисты хора и мимического ансамбля! Как стремились они, чтобы каждый участник «массовки» имел свое лицо, свой характер, свою биографию! Они придумывали, фантазировали, тем более что материал оперы давал простор для ассоциаций, параллелей. К тому же многие из наших артистов прошли службу в армии, на флоте и часто своими советами помогали режиссуре.

Художником спектакля стал Вадим Федорович Рындин. Интересно, что именно он оформлял спектакль Камерного театра. И его сценическая конструкция вошла в сокровищницу советского театрального искусства. Естественно, что какие-то дорогие ему мотивы художник привнес и в наш спектакль. Однако музыкальный театр имеет свою специфику — характеры в опере укрупнены, психологические мотивировки более локальны, четки. И художник не мог с этим не считаться. Он создал единое оформление для всего спектакля. Приподнятый покатый пол сцены предстает то палубой корабля, то бескрайней южной степью. На место действия указывают лишь отдельные фрагменты, вроде колонны полуразрушенной террасы, на которой живет Комиссар, или одиноко торчащего телеграфного столба, у которого разбил свой стан Вожак. Отсутствие декораций, почти пустая сцена позволяют как бы вынести на первый план певца, сосредоточить внимание зрителя на нем. Только от исполнителя, от его умения жить в образе горячо, эмоционально, правдиво зависит успех режиссерского замысла.

Я убежден, что нам повезло. Для главных партий в театре нашлись замечательные исполнители. Работая с ними, мы старались в рамках общей концепции спектакля в каждом случае исходить из индивидуальности артиста. И в зависимости от этого строить образ, лепить характер. У нас есть три Комиссара: И. Архипова, Л. Авдеева, Т. Синявская — три совершенно разных человеческих характера. Каждая певица несет свою тему, по-своему раскрывает образ. То же самое могу сказать и о Г. Андрющенко и Е. Райкове — исполнителях партии Алексея, А. Огнивцеве и А. Гелеве — исполнителях партии Вожака.

Да, мы работали увлеченно, с полной отдачей, стараясь передать самый дух эпохи, воспроизвести эпоху в ее противоречиях, в ее острых углах — ощутить романтику революции, ее чистоту, строгость и справедливость.

«Здравствуй, пришедшее поколение!» — говорится в пьесе. И в финале, когда звучит реквием по Комиссару, в глубине сцены встает это пришедшее поколение, сегодняшние наши моряки. Словно перешагнув через десятилетия, склоняют они свои боевые знамена над прахом тех, кто отдал свои молодые жизни за торжество светлых идеалов.

Комиссар — народная артистка СССР И. Архипова, Алексей — Е. Райков.

Сцена из спектакля.

Г. Н. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
народный артист РСФСР

Приступая к работе над оперой «Оптимистическая трагедия», мы мечтали создать спектакль, по силе воздействия равный драме Вишневского. Мечты наши имели под собою основание — чрезвычайно интересное произведение Александра Холминова.

Этот композитор известен как мастер песенного жанра, автор популярных песен о Ленине, о партии. Обратившись к опере, он сумел использовать свое незаурядное лирико-мелодическое дарование. Музыкальный язык «Оптимистической трагедии» ясен и доходчив, но не примитивен.

Создавая вокальные партии, Холминов почти не изменял текста Всеволода Вишневского. Он постиг

Фото Б. БОРИСОВА.

музыкальность речи драматурга, ее внутренний ритм, мелодику, и потому «омузыкаленное» слово звучит в опере естественно, органично. Слово слито, спаяно с музыкой.

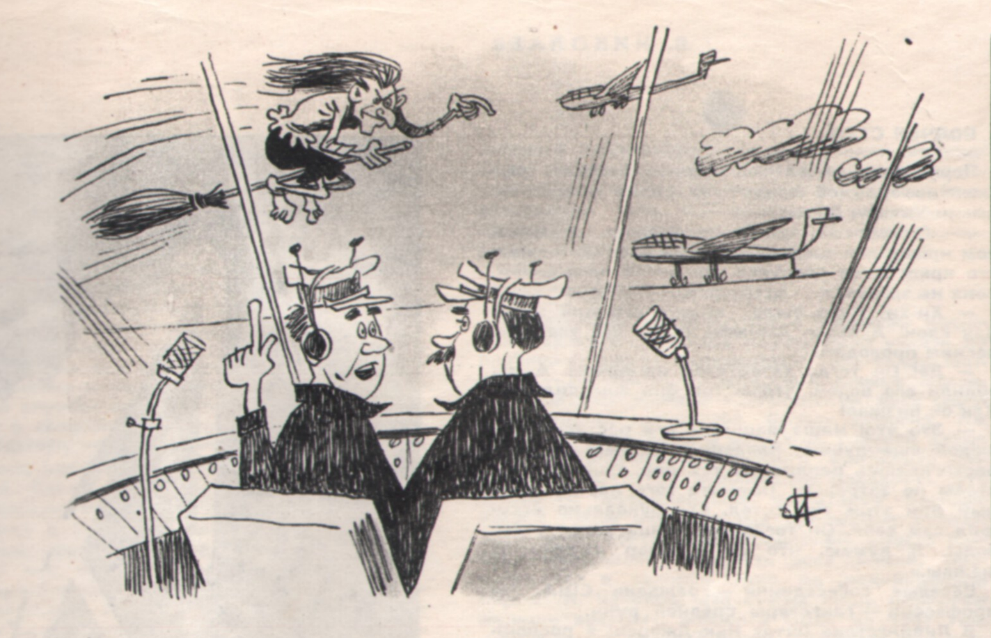
Музыка Холминова по-настоящему театральна. Хотя в опере почти нет номеров — арий, дуэтов,— слушатель не утомляется, потому что композитор чувствует действенную природу сцены.

Вокальные партии персонажей оперы написаны скупыми штрихами, но в каждой из них воплощен характер человека. Я бы назвал Холминова композитором-портретистом, так ярки, сочны его музыкальные характеристики. Большую роль тут играет и оркестр — тембровая окраска музыки. Так, например, речь Вожака сопровождают инструменты, звучащие низко, грубо. Речь Алексея — баян. По-моему, это находка — ввести в оперный оркестр баян.

И, наконец, народные сцены. На мой взгляд, это самые сильные сцены в опере. Великолепны три хоровые фрески, три хора, в которых заключены кульминации всех трех актов,— прощальный вальс, песня-марш и хор.

Мне было очень приятно работать с композитором, который так чутко ощущает театр, так самоотверженно добивается правды на оперной сцене, полного слияния музыки, речи, действия.

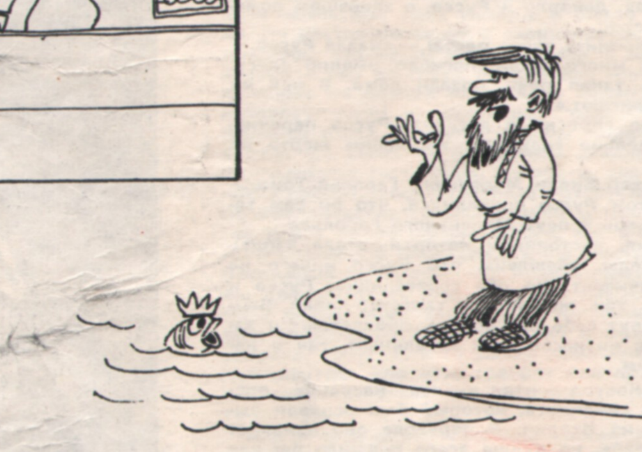
Я с наслаждением дирижирую «Оптимистической трагедией».

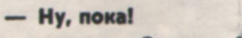
— Она просит разрешения на посадку!
Рисунок И. Сычева.

— Мы продаем картины с гарантией; если обнаружите дефект, можете вызвать мастера.
Рисунок Н. Калитина и Н. Станиловского.

— А не могла бы ты воблой оборотиться!
Рисунок Е. Шабельника.

— Ну, пока!

Рисунок И. Сычева.

В. НИКОЛАЕВ

Детективная история в государственном масштабе

Это идет, окруженный репортерами и любопытными, не киногерой или прославленный спортсмен, а босс нью-йоркских гангстеров Джо Бонанно.

Памятник при жизни, сооруженный гангстером Боиардо самому себе.

ВОЛЧЬЯ СТАЯ

Перед вами, читатель, запись беседы трех джентльменов об одном из своих коллег по имени Уильям Джексон.

« — А помнишь, как Джексон висел на железном крюке для мясных туш? Он был так тяжел, что крюк даже погнулся. Он висел трое суток, пока не загнулся.

— Хи-хи! Надо было видеть его при этом! Как слон! А когда Джимми ткнул его электрическим проводом!

— Да! Он тогда завертелся на крюке. А мы облили его водой, чтобы ток бил еще сильнее. Как он визжал!

— Это что! Наша машинка для растягивания людей еще лучше. Кладешь на нее парня и растягиваешь цепями до тех пор, пока его суставы не затрещат. Помните того парня, который при этом так потел, что буквально иссушил сам себя. Он тогда без конца хотел воды, воды. Я думаю, что он и умер именно от жажды.»

Веселые собеседники — граждане США. По профессии — гангстеры средней руки.

В Ливингстоне (штат Нью-Джерси) в роскошном поместье проживает их коллега по преступному бизнесу Боиардо. Это гангстер рангом повыше. В его старинный парк ведут массивные ворота, по обеим сторонам которых возвышаются бронзовые лебеди с распростертыми крыльями. Аллея бежит от ворот к старинному замку мимо памятника, уникальнейшего по своей монументальной безвкусице. На большом белом коне в красной сбруе восседает сам Боиардо, разодетый пестро, как попугай. Вокруг него на постаментах высятся тоже цветные бюсты членов его семьи, всего дюжина мужчин, женщин и детей.

Самому хозяину уже 76 лет, но он до сих пор играет важную роль в делах всеамериканского преступного синдиката Коза Ностра. «Пусть меня называют вором и убийцей. Пусть!» — заявил он совсем недавно одному из своих посетителей. В данном случае гангстер был не совсем прав. Коллеги по бандитскому промыслу зовут его палачом. Вот запись беседы двух гангстеров, Декарло и Руссо, о зловещем поместье Боиардо.

« — Сторонись этого места! — сказал Руссо.— Слишком много ребят погибло именно здесь. Там есть такая печь, позади дома. В ней их всегда сжигают.»

Декарло спросил о деталях. Руссо перечислил несколько знакомых им обоим жертв по именам:

« — Оливер, Вилли, Маленький Гарольд, Томи...»

При этом Руссо похвалился, что он сам тащил за цепь в печь Маленького Гарольда .

Полиция, достоянием которой стала запись этой беседы, убеждена, что Руссо ничего не преувеличивает. Но оба собеседника, Руссо и Декарло, так же как и гангстер-палач Боиардо, живут себе на свободе, процветают и занимаются бизнесом, как легальным, так и нелегальным.

Коза Ностра — итальянское название преступного синдиката, который был основан выходцами из Италии. В переводе оно означает «наше дело», но лучше всего подошло бы для этого синдиката другое название — «волчья стая». Организация состоит из негодяев всех калибров. Алчность и страх — вот их единственные движущие пружины. Алчность побуждает к действию. Страх связывает воедино.

Террор, примеры которого приведены выше, объясняется не столько тем, что кто-то выдал кого-то, сколько борьбой за власть, а значит, за деньги. Недавно очередная такая схватка разгорелась в самом верхнем эшелоне синдиката. Начал ее Джо Бонанно, наместник Коза Ностры в Нью-Йорке. Непомерная его алчность едва не развалила всю организацию.

Бонанно всегда славился среди своих коллег изобретательностью. Ему, например, принадлежит изобретение гроба-сандвича. Дело в том, что гангстерам не раз доставляли хлопоты трупы их жертв. Нужен был способ, который не оставлял бы от покойника и следа. И вот Бонанно основал похоронную контору. Самую обыкновенную. Плати деньги — твоих близких прилично похоронят. Но гробы в этой конторе были особые. Об этом, кроме шефа, знали только дюжие могильщики — гангстеры, служившие в конторе. Они без заметных усилий поднимали гроб и тащили его на кладбище. Но во многих гробах этой конторы лежало сразу по два трупа. Внизу, в специальном тайнике, очередная мертвая жертва, сверху — вполне легальный покойник.

Так вот, этот специалист по похоронным делам решил, что ему пришло время не только возглавить гангстеров Нью-Йорка, но и стать чем-то вроде всеамериканского гангстерского

президента. Задумал и начал осуществлять свой план. Пошел по испытанному гангстерско-коммерческому пути. За колоссальные суммы подписал с наемными убийцами контракты на физическое уничтожение своих соперников, нескольких руководителей Коза Ностры. Контракты, вероятно, были бы выполнены, если бы один из подрядчиков, Джо Маглиокко, не отдал это дело на откуп другому убийце — профессионалу Джо Коломбо. А последний решил, что больше заработает, если предупредит намеченные жертвы. Кстати, вскоре молодой здоровяк Коломбо умер, по официальной версии, «от сердечного приступа».

Незадачливому заговорщику Бонанно пришлось скрыться. Но затем в результате сложных детективных перипетий он был все же схвачен главарями Коза Ностры и предстал перед их судилищем. Ловкому Бонанно и на сей раз удалось выйти сухим из воды. Он дал слово передать в распоряжение судей-гангстеров всю свою нью-йоркскую бандитскую вотчину, если ему сохранят жизнь. В противном случае, заявил он, нью-йоркские гангстеры отомстят за него жестоко, так жестоко, что под угрозу будет поставлена вся верхушка Коза Ностры, а значит, и вся организация. И снова сработали алчность и страх. Судьи позарились на Нью-Йорк и испугались мести. Бонанно отбыл в изгнание на Гаити. А вскоре снова взыграло ретивое, и гангстерский босс вернулся в Нью-Йорк, опять возглавил тамошних гангстеров и потребовал вернуть ему его кресло в коллегиальном руководстве Коза Ностры. Грызня в стае хищников продолжается понынe...

Организована эта банда довольно своеобразно. Коза Ностра состоит из 24 полунезависимых «семей». В каждую такую «семью» входит от 20 до 1 000 членов. Возглавляется она боссом. Фотографии всех 24 боссов встречаются в американской прессе не реже портретов кинозвезд и воротил официального бизнеса. Несколько из этих боссов — в настоящее время их восемь — составляют «комиссию» — верховный орган всей организации.

Вторым лицом в каждой «семье» является заместитель босса. Под его началом — «капитаны», возглавляющие «взводы», которые состоят из гангстеров, называемых «солдатами». Престарелые гангстеры являются «советниками» при боссе. Любой приказ босса передается через длинную цепь гангстеров, что делает босса почти недосягаемым для полиции.

С 1957 года прием в Коза Ностру официально прекращен, но соперничающие «семьи» тайно вербуют новых членов. Недавно еще в организацию мог быть принят только тот, за кем числится хотя бы одно убийство. Говорят, что сейчас этим правилом пренебрегают. Денег у синдиката хватает, и он может за любую сумму организовать убийство на любом уровне.

За убийство синдикат получает деньги от заказчиков. Однако теперь это не главная статья доходов. Облагая дельцов данью, синдикат вторгается в легальный бизнес, урывает львиную долю прибыли да при этом еще уклоняется от уплаты подоходного налога.

Продолжая наживать миллионы на пороках, низменных страстях и разврате — проституция, азартные игры, наркотики, всякого рода лотереи, порнография,— гангстерские синдикаты занялись в последние годы перепродажей оружия в страны, где на него есть спрос. Кровавые диктаторские режимы в Латинской Америке, например, закупали и закупают у гангстеров оружие на миллионы долларов. Им же они поручают организацию политических убийств и переворотов. Один только доминиканский диктатор Трухильо закупил в свое время у известного гангстера Зикарелли минометов и пулеметов на миллион долларов.

Большую часть своих «поступлений» гангстеры со специальными курьерами отправляют в швейцарские банки. Основная часть вкладов проходит через руки финансового мага и чародея Коза Ностры мультимиллионера Мейера Лански.

ПОГОНЩИК СЛОНА И ОСЛА

Коза Ностра является в могущественнейшей стране капиталистического мира как бы государством в государстве. Это становится особенно ясно, когда знакомишься с современной уголовной хроникой Соединенных Штатов. Среди преступников нередко встречаются лица из мира официального, внешне вполне респектабельные.

В городе Денвере местная полиция долгое время грабила сейфы городских толстосумов. И это не в каком-нибудь захолустном городишке, а в столице штата Колорадо, насчитывающей полмиллиона жителей! Свыше ста сейфов выпотрошили полицейские-медвежатники. Разъяренные бизнесмены не могли терпеть дальше подобного рода экспроприацию, и блюстителей порядка пришлось арестовали.

Не менее громким был скандал, разразившийся в недрах американского налогового ведомства. Свыше ста его инспекторов были уличены во взяточничестве. Как и полицейские в Денвере, сборщики налогов использовали в своих преступных целях всю техническую мощь государственного аппарата, вплоть до подслушивания телефонных переговоров лиц, у которых они вымогали взятки.

Полицейские и налоговые инспектора по роду своей службы все время так или иначе находятся в соприкосновении с преступным миром. Поэтому коррупция среди джентльменов закона может быть объяснена их непосредственной близостью к джентльменам удачи. Но метастазы от раковой опухоли преступности пошли в США гораздо дальше и глубже. Уголовные преступления должностных и выборных лиц в США давно уже перестали быть случайными, как их еще изображает порой буржуазная пресса. Они стали одной из главных закономерностей американского образа жизни. Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с жизнью и делами мистера Джайанканы.

Еще до своего совершеннолетия, лет сорок назад, щуплый Джайанкана трижды привлекался к суду по обвинению в убийстве. В годы второй мировой войны на вопрос призывной комиссии о роде занятий Джайанкана ответил с подкупающей простотой: «Я ворую». Его направили к психиатру. «Я же говорил правду!» — возмущался гангстер. Клерки из призывной комиссии не поняли профессиональной честности и гордости бандита, который с возрастом поумнел, сам уже рук не пачкал, предоставив это делать другим за наворованные им деньги.

В 1963 году Джайанкана поднялся в собственных глазах еще выше. Он подал в суд на... ФБР! Да-да, на то самое пресловутое Федеральное бюро расследований, которое, между прочим, призвано бороться с уголовным миром. Дело в том, что гангстер, как и многие другие истинно деловые люди Америки, любит на досуге поиграть в гольф. Агенты ФБР, следившие за ним во время игры, мозолили ему глаза, омрачали его частную жизнь. Он подал в суд. К тому времени гангстер мог позволить себе и такую роскошь, ибо уже стоял во главе чикагского преступного мира, руководя местным отделением Коза Ностры.

С точки зрения своих коллег, чикагский босс добрался до вершин могущества. При этом имеется в виду не столько его высокий пост в иерархии Коза Ностры, сколько его влияние в политических кругах. Предметом особой гордости Джайанканы и его подручных является то, что они подмяли под себя как чикагских демократов, так и республиканцев. Хилый с виду человечек стал в Чикаго одновременно погонщиком слона и осла (символы республиканской и демократической партий в США).

Теперь это уже общеизвестный в США факт, что республиканская организация первого района Чикаго является послушной марионеткой в руках гангстера. Он не превратил ее в боевое уголовное подразделение в составе Коза Ностры, а сохранил форму партийной республиканской организации только для того, чтобы удобнее было влиять на политическую жизнь Чикаго. При очередных выборах гангстеры следят за тем, чтобы сфальсифицированными голосами не задавили демократов. Джайанкана заботится о сохранении двухпартийной ширмы. После «выборов» Джайанкана отдыхает от трудов праведных, разъезжая по курортам с популярной актрисой в роскошном белом лимузине одного из лидеров районного республиканского комитета. Конечно, не менее роскошные автомобили есть и у самого гангстера, но почему лишний раз не подчеркнуть, кто сидит за рулем!

В течение семи лет некий Роланд Либонати был не больше не меньше, как членом американского конгресса, представляя там уже упоминавшийся нами первый район Чикаго. Посланец гангстеров знал, зачем его послали в конгресс, и пробрался в юридический (!) комитет палаты представителей. Все эти годы помощником Либонати являлся Тони Тисси, зять Джайанканы, получавший от правительства 11 тысяч долларов в год.

Прямо-таки дух захватывает, если взглянуть, до каких политических высот добираются щупальца гангстерско-политического спрута. Несколько лет подряд в США расследовалось и скандально гремело уголовное дело Роберта Бейкера, секретаря демократического большинства в сенате. Этот политический гангстер, ставший миллионером на преступных махинациях, ведал финансовыми фондами демократической партии при выборах в сенат. При расследовании дела Бейкера среди прочих его преступных связей обнаружилась ниточка, ведущая к финансам и делам Коза Ностры!

ТЕЛОХРАНИТЕЛИ-АДВОКАТЫ

Американцы говорят, что в недавнем прошлом крупного гангстера можно было узнать по плотному кольцу окружающих его телохранителей — до зубов вооруженных дюжих молодцов. Сегодня каждый гангстерский босс окружен кольцом адвокатов. Самых дорогих. Им есть за что платить и есть чем. Годовой доход всеамериканского преступного синдиката составляет почти 50 миллиардов долларов! Эта сумма по американским масштабам раскрывается таким образом: она превышает доходы всех автостроительных монополий, вместе взятых; превышает стоимость всех акций, продающихся в течение года на нью-йоркской бирже. И, наконец, эта сумма лишь немногим меньше военного бюджета США на 1967 год.

При таких деньгах можно подумать и о респектабельности. Награбив огромные деньги, гангстерские синдикаты влезают в «законную» сферу бизнеса.

«Преступные синдикаты,— свидетельствует известный американский публицист Джон Кросби,— разбогатели и обрели маску респектабельности. Азартные игры, наркотики и промышленный шантаж — все это составляет ныне крупную отрасль американского бизнеса. Деньги гангстеров вкладываются во все другие отрасли бизнеса». В эти «другие отрасли» входит, как мы уже убедились выше, и политика. Бывший специальный агент ФБР Уильям Тернер свидетельствует со знанием дела: «Преступный синдикат называют теперь невидимым правительством из-за того влияния, какое он оказывает на политику».

Как говорится, каждая истина конкретна. Вот еще один портрет такого гангстера, преступный бизнес которого срастается с бизнесом деловым и политическим. Карлос Марцелло — наместник Коза Ностры в штате Луизиана. Он настолько велик в своих кругах и могущественен, что боссы Коза Ностры в этом году доверили ему из своих фондов два миллиона (!) долларов на подкуп властей по одному только интересующему их судебному процессу. При желании и сам Марцелло мог бы наскрести эту сумму. Он стоит 40 миллионов долларов. Ему принадлежат гостиницы, автоматы для розничной продажи, экскурсионные автобусы, фирма по производству грампластинок и многое другое как в сфере официального, так и преступного бизнеса. В последний, в частности, входят публичные дома, торговля наркотиками, притоны для азартных игр, бега. Его поместье Черчилл Фармз оценивается в 22 миллиона долларов. Недавно он дал 100 тысяч в фонд жертв урагана «Бэтси», а 10 тысяч преподнес девочкам-скаутам. Про него говорят как про одного из самых богатых и типичных современных гангстеров.

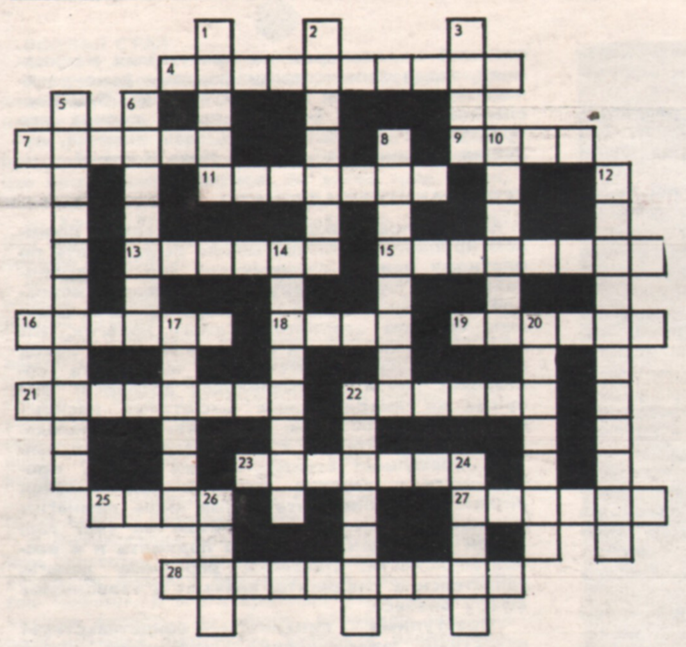
Как и многие гангстерские боссы, Марцелло выбился наверх с самых низов уголовщины. Еще в 1930 году он был осужден за грабеж, но в 1935 году был полностью амнистирован губернатором штата. В 1938 году Марцелло попался на продаже наркотиков, но провел за решеткой только девять месяцев. С тех пор он уже ни разу не ночевал в тюремной камере. Несколько раз против него возбуждались уголовные дела, но он всегда выкручивался. И теперь Марцелло чувствует себя в Луизиане некоронованным королем.

В Новом Орлеане даже сам городской судья Эндрю Бакаро не скрывает своей дружбы с Марцелло, которому он к тому же приходится родственником со стороны жены гангстера. Судья охотно признает, что частенько навещает Марцелло в его роскошном поместье, но при этом Бакаро заявляет, что никогда не касается в разговорах со своим другом юридических вопросов. Кстати, в этом заявлении, помимо лицемерия, возможно, есть и доля истины. Сам судья так поясняет эту свою мысль: «Нет ничего зловещего в нашей дружбе. Карлос Марцелло так же нуждается в своем человеке в городском суде, как Рокфеллер в краже карманной мелочи».

Вот так! Бакаро отдает себе отчет в том, что гангстер-миллионер давно уже опирается на официальных лиц куда более высоких, чем какой-то там городской судья.

Знакомишься с размахом дел и влиянием преступного синдиката, с жизнью и деятельностью его заправил, и невольно напрашиваются вопросы: есть ли в США вообще различие между гангстеризмом и бизнесом, между гангстеризмом и политикой?!

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Русский композитор. 7. Только что выпавший снег. 9. Эфирномасличная культура. 11. Сельскохозяйственная машина. 13. Роман Э. Золя. 15. Великая русская актриса. 16. Музыкальное произведение. 18. Город на западе Индии. 19. Персонаж повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством». 21. Рабочий металлургической промышленности. 22. Литография. 23. Пакет. 25. Остаток от сжигания твердого топлива. 27. Тропический плод. 28. Краевой центр в РСФСР.

По вертикали:

1. Единица веса драгоценных камней. 2. Столица Гвинеи. 3. Стержень со спиральной резьбой. 5. Певчая птица. 6. Выступ на ключе. 8. Тригонометрическая функция. 10. Река, впадающая в Рыбинское водохранилище. 12. Русская женщина-математик. 14. Спутник Сатурна. 17. Промысловая рыба. 20. Старший в спортивной команде. 22. Условная линия, делящая Землю на два полушария. 24. Щит со световыми сигналами или надписями. 26. Приток Лены.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 46

По горизонтали:

3. Вольтметр. 7. Клязьма. 8. Стейниц. 10. Сени. 11. Анероид. 12. Лифт. 16. Фабула. 17. Огайо. 18. Ариэль. 19. Стенография. 22. Привал. 23. Залог. 25. Карузо. 26. Кюсю. 27. Пластов. 28. Фетр. 31. Козетта. 32. Эстония. 33. Олимпиада.

По вертикали:

1. Фламинго. 2. Нейтрино. 3. Вязь. 4. Рейн. 5. Олентуй. 6. Никитин. 9. Архангельск. 10. Скагеррак. 13. Телевизор. 14. Бартоло. 15. «Калинка». 20. «Свисток». 21. Артерия. 23. Золотник. 24. Гроссман. 29. Депо. 30. Роза.

На первой странице обложки: Открылось жерло шахты... (см. в номере репортаж «Подземный гарнизон»).

Фото Г. Макарова.

На последней странице обложки: Атака.

Фото А. Бочинина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Очерка — Д 0-15-33; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00494. Подписано к печати 15/XI 1967 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 2 000 000. Изд. № 2130. Заказ № 3208.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

В демонстрационном зале ювелирной фабрики в чешском Яблонце-на-Нисе столько сверкающих украшений, что дух захватывает. Здесь модели, которые поступают в производство по заказам клиентов. На заказчиков благодаря инициативе референта пани Србовой оказывают тонкий нажим. Пока гости осматривают образцы, пани Србова одевает в соседнем салоне двух-трех манекенщиц. Перед заключением сделки девушки грациозно выплывают в зал, где находятся представители крупных торговых фирм, и демонстрируют, как украшения, выставленные в витринах, выглядят на шее женщины, в волосах, ушах, на руках. Ослепят покупателей, покажутся, как богини, и исчезнут. Не пройдет и получаса, как они опять на своих табуреточках соединяют цепочки, вставляют камни в кольца, помешивают расплавленные металлы и пинцетами ровняют зубчик к зубчику, чтобы создать «старинную» драгоценность.

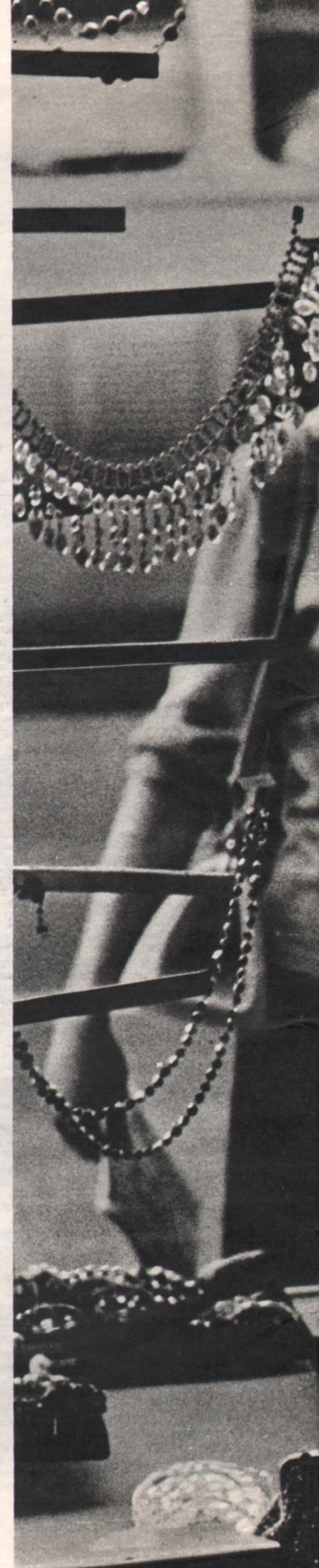
При изготовлении ювелирных изделий требуется столько кропотливого ручного труда, что удивляет их дешевизна. Взгляд должен быть постоянно устремлен на крошечные частицы стекла или металла, спина все время согнута, пальцы сжаты в щепоть. Поэтому-то здесь гораздо чаще и длительнее, чем где бы то ни было, перерывы во время работы — таких специалистов надо беречь. Их ценность давно проверена.

В XVII столетии, когда венецианское стекло достигло наивысшего расцвета, а вскоре после этого пришло в упадок, мировым рынком стекла завладели чехи. Из Чехии по всему миру распространялись настолько особые, характерные формы стекла, что они соперничали с хрусталем. Поэтому чешское стекло называлось хрустальным. Этой славе способствовало изготовление чешского жемчуга из стекла и украшений, приносящих стране миллионные доходы. Стекольное производство знало времена упадка, но сегодня чешские специалисты и эксперты наверстали то, что было упущено.

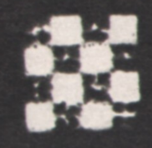
Яблонец расположен в ста километрах от Праги, а рядом с ним Железни-Брод. Отсюда во многие страны идут изделия из литого стекла — единственные в своем роде. Здесь стоят новые фабрики с современным оснащением, в цехах просторно, светло, много воздуха, у проектировщиков свои ателье. Цеха ручной работы и чертежные мастерские расположены на седьмом этаже, где окна не могут заслонить даже деревья.

Здесь, собственно, все рабочие — творцы. На некоторых столах стоят бюсты, на которых рабочий-техник-художник в одном лице проверяет общее впечатление от украшения, ищет лучшее решение всего комплекта. Можно сказать, что яблонецкая бижутерия — это индивидуальные произведения выдающихся мастеров, и все-таки это — серийное производство. Предприятие может выполнить в кратчайшие сроки любой большой иностранный заказ. Заказчиками яблонецкой фабрики являются 127 государств.

К изготовлению экспонатов для «ЭКСПО-67» в Монреале чешские мастера приложили особое старание. Родились филигранные воротнички, броши и серьги, которые заставляли задерживаться в чехословацком павильоне женщин всех стран!

В пражском магазине.

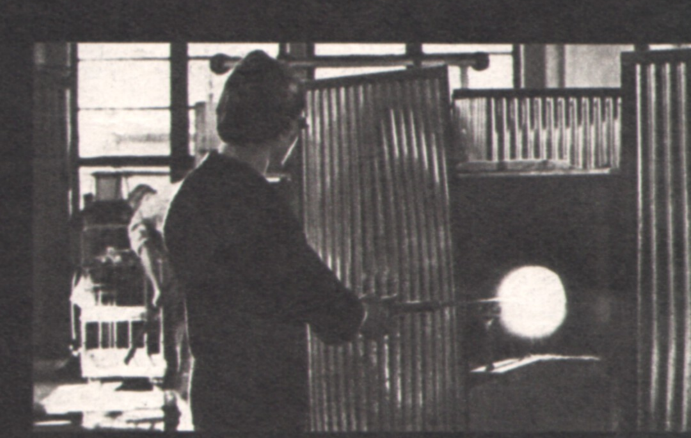

ЯБЛОНЕЦ — ИСКРЯЩАЯСЯ КРАСОТА

И. ЛАЖАНСКА,
чехословацкая журналистка

Фото А. УЗЛЯНА.

Здесь рождаются «бриллианты».

Лудек Роубичек и Ярослав Прохазка в мастерской примеряют новые украшения. Почти все мастера — выпускники школы, готовящей специалистов по обработке стекла.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663